

ВАЛЕРИАН МАРКАРОВ

Личный дневник Оливии Уилсон

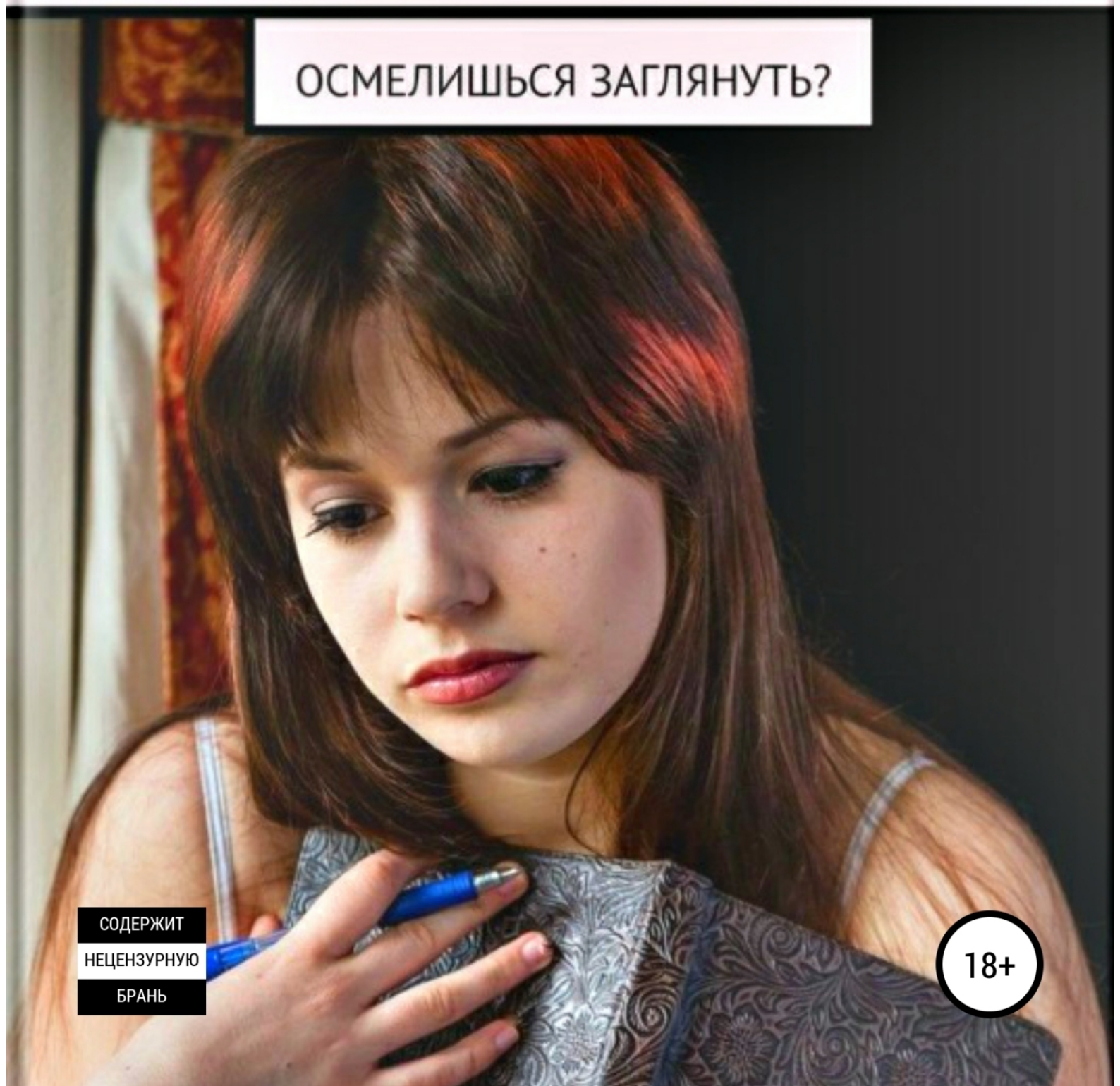
ОСМЕЛИШЬСЯ ЗАГЛЯНУТЬ?

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валериан Маркаров

Личный дневник Оливии Уилсон

«Автор»

2020

Маркаров В.

Личный дневник Оливии Уилсон / В. Маркаров — «Автор»,
2020

Доктор Уилсон, один из уважаемых психоаналитиков Нью-Йорка, выслушивает исповеди своих пациентов и пытается решить проблемы, накопившиеся в их душах, а знаменитый профессор Зигмунд Фрейд с фотографии на стене навязчиво дает ему "дельные" советы. Воспитывая дочь Оливию, доктор и не догадывается, что творится в ее мире. В новой школе она вынуждена вступить в тайное сообщество "посвященных". Клуб объединяет девчонок, о которых мечтают все парни школы Гринвич-Виллиджа. Чтобы стать полноправной участницей, ей придется пройти через нелегкие испытания, которые навсегда изменят ее жизнь. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

© Маркаров В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Беспокойный день доктора Уилсона	6
Глава 2. Исповедь одиноких сердец	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валериан Маркаров

Личный дневник Оливии Уилсон

• **ВНИМАНИЕ!** Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналоги с реальными людьми или событиями случайны.

Из читательских рецензий

«Автор сей книги – тонкий знаток человеческой природы, умеющий распределить по хронометражу читательский шок, разбавить „высокое“ „низким“ так, чтобы получилось ещё более „высокое“, привлечь и оттолкнуть в такой пропорции, чтобы эмоциональное влияние на читательскую аудиторию было практически безграничным»

«Людам, не желающим созерцать изнанку человеческой души, не стоит открывать эту книгу. Посоветую им осмотреться вокруг и особенно внимательно взглядеться в зеркало»

«Красивые и яркие метафоры в зарисовках персонажей, волнующие истории: захватывающие и смешные, печальные, сентиментальные, а порой и скандальные – всё это есть в этой книге, дающей нам жизненный опыт...»

«Весьма необычный писатель, пишущий в разных жанрах, в совершенстве владеющий искусством миниатюры и мастерски препарирующий характеры, превращая всего несколько фраз в неоднозначные истории о внутреннем мире и переживаниях современного человека»

«Книга увлекательна и полна неожиданностей. В ней я нашла удивительное сочетание психологической проницательности и восхитительно живого воображения рассказчика»

«Сплошное удовольствие читать умную, заставляющую задуматься книгу, раскрывающую природу человека, его извечную тоску по счастью»

«Автор изучает, как люди находят – или не находят – общий язык. Удивительно лаконичная проза, напряженная и продуманная, по-настоящему берёт за душу. Происходящее чувствуешь кожей»

«Валериан Маркаров – одарённый и смелый писатель, исключительно наблюдательный эрудит, романтик и мечтатель»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КАЖДЫЙ ХОЧЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Глава 1. Беспкойный день доктора Уилсона

Понедельник начинался весьма и весьма паршиво. Джозеф Уилсон сидел в своём кабинете на Мэдисон-авеню в полном одиночестве. Он был в отчаянии, безмолвно созерцая своего двойника на гладкой поверхности полированного стола цвета мореного дуба: тот опустил подбородок на сжатые в кулаки руки, лежащие на столешнице, и тяжело, лихорадочно дышал.

Дела складывались плачевным образом, что, впрочем, с доктором происходило не впервые. Кто бы мог предположить, что его ассистентка Люси решит взять расчёт, не предупредив об этом заранее. Её поступку не было названия – просто возмутительно! О подобном он и думать не мог до вчерашнего вечера. Даже во сне такое ему бы не приснилось. И все же, это случилось – словно разверзлись ясные небеса и прозвучал гром, вызвавший у доктора дрожь, которая прошла от шеи до самого низа живота.

Хотя ещё в пятницу, накануне выходных, он заметил, что в поведении Люси стали проявляться нервозность и неуравновешенность, а сегодня утром... не успел он войти в кабинет, как она влетела за ним, сухо извинилась и, придвинув кресло поближе к столу, уселась на самый краешек, высоко подняв голову и выпрямив спину. Было очевидно, что она очень волнуется, к тому же выглядела она неважно.

Вскоре он узнал, что его тридцати восьмилетняя ассистентка собиралась стать матерью и решила подготовиться к появлению долгожданного первенца. Такой внезапный уход помощницы на седьмой неделе ее беременности сильно огорчил доктора. Он не понимал, как она может оставить его сражаться в одиночку с целой армией пациентов? Достаточно ли он ценил её? Получала ли она, помимо зарплаты, бонусы и плату за сверхурочные часы? И если да, чем же он не угодил Люси, что она, вовсе не исключено, нафантазировала беременность? Да, он имел основания для такого кажущегося безумным предположения как специалист, которому многое пришлось повидать в своей долголетней психотерапевтической практике. В том числе, и женщин с мнимой беременностью, и тех, которые ходили с накладными животами, чтобы создать впечатление, что они в положении.

– Вы ведь не знаете, доктор Уилсон, сколько лет мы с мужем боролись с природой за право быть родителями. Как я ждала, что в одно прекрасное утро проснусь и пойму, что жду дитя, – Люси переплела пальцы и уронила руки на колени. – Но время шло, а чуда не происходило: мы раз за разом терпели поражение. Джон долго не задавал вопросов, иногда топил горе в бутылке, но я не хотела сдаваться. А однажды он, перебрав с алкоголем, спросил прямо: «Дорогая, почему ты не призналась до помолвки, что бесплодна? Разве я не говорил, что хочу детей?» Я ходила на консультации к гинекологу, а ещё через год объявила супругу, что мои шансы забеременеть естественным путем ничтожны, поэтому остаётся только одно – зачатие «в пробирке», то есть, когда оплодотворение происходит вне тела матери... Узнав, что врач подтвердил наши догадки, муж напился и заявил, что я никчемная, бракованная женщина, раз не могу родить ребенка. Я никогда не рассказывала вам, доктор, что наша с Джоном семейная жизнь никогда не была раем: одни молчаливые упреки, мы даже чуть не развелись. И вот, наконец, произошло чудо... Я не могла остановиться, все повторяла слова гинеколога: «Рад сообщить, Люси, что вы беременны». Пресвятая Дева, наконец, после стольких лет переживаний, ложных надежд и жестоких разочарований, мы станем семьей. Я была на седьмом небе от счастья, и мне не терпелось поскорее сказать об этом Джону...

Джозеф видел, как двигаются губы Люси, как выгибаются брови, морщится лоб. Но не слышал её голоса. В эти минуты его мозг усиленно трудился, думая, что предпринять, если его ассистентка не соизволит изменить своего решения? Удастся ли ему быстро найти стоящую замену? Внезапно он почувствовал себя одиноким и беззащитным человеком, которому не на кого положиться, не от кого ждать поддержки. Люси выбрала лучшее время, чтобы

застать его врасплох, почти сломить. Он на мгновение попытался представить, что остался один на один со своими пациентами. То, что он увидел, не слишком ему понравилось, и он решил успокоить нервную систему, отвлечься от проблемы и попытаться достичь внутреннего равновесия:

«Ничего не поделаешь, Джо, горячий сегодня выдался денёк. Но тебе не положено волноваться! – уговаривал он себя, закрыв глаза и дыша так, как это рекомендуют делать инструкторы дыхательных практик: прижимая кончик языка к нёбу, он слегка приоткрыл рот и полностью выдохнул. Затем закрыл рот и сделал вдох носом, считая до четырёх. Потом досчитал до семи, задержав дыхание, и наконец медленно, со свистом выдохнул, считая до восьми. Он повторил упражнение несколько раз, твердя про себя:

– Тебе хорошо и спокойно Джо. Ты – камень! Даже можно сказать – скала... Да, именно! Ты – скала в море. В огромном море. Или океане, где через день бывает шторм. Люди боятся шторма и прячутся кто куда. А ты стоишь. Стоишь уже много тысяч лет. Ты сильная, неприступная, нерушимая скала!!! В тебе нет ни одной расщелины. Удар даже самой сильной волны для тебя лишь нежное прикосновение. С каждым новым ударом ты становишься только твёрже и несокрушимее».

Окутанный чёрной пеленой размышлений, он нервно вышагивал в кабинете из угла в угол... И то и дело бросал злобный взгляд на противоположную от стола стену: на ней над кушеткой Фрейда, висел портрет самого герра доктора профессора Зигмунда Фрейда – основателя психоанализа, сообщившего миру, что ничего в жизни человека не происходит просто так, всегда и во всём следует искать первопричину. И что же теперь ему, Джозефу, делать, уважаемый профессор? Есть что сказать по этому поводу?

Тот, спрятав губы в седой бородке, молчал, что было так на него непохоже: чаще он облачался в мантию мудрого советчика, и всё бы ничего, если бы старикан не обладал дурной привычкой заставлять Уилсона выслушивать свои бесконечные нравоучения, считая собственное мнение единственно верным. Раза два Джозеф пробовал прервать его рассуждения, пытался заставить замолчать, но профессор властным движением головы и жёстким голосом, не допускающим малейшего неподчинения или возражения, подавлял его. Говорят, он и при жизни был патологически авторитарен! И Джозеф безмолвно подчинялся. Но чаще профессор острил и глумился, выискивая у него профессиональные просчёты и промахи. Этот человек, кажется, любил насмехаться над всем миром, доказывая своё превосходство и удовлетворяя самолюбие...

– А-а-а, – внезапно изрёк Фрейд. – Так, значит, вам всё-таки понадобился мой совет, коллега Уилсон? То-то же вы не отводите от меня свой взор, такой жалкий, потухший, вопрошающий...

– В чем дело, герр профессор? – сухо спросил Джозеф. – Что вам угодно?

– Хотите поплакаться в жилетку? Ну же, давайте! Смелее! Не подавляйте своё нытьё!

– Ну, знаете ли, профессор, это уже слишком! Благодарю, но я не просил ваших советов.

– Бросьте отнекиваться, Уилсон! Просили! Ещё как просили. У меня плохой слух, но намётанный глаз. И я охотно поделюсь с вами опытом, пока вы не начали успокаивать себя транквилизаторами. Вот вы сейчас сопели там, пытели до красноты, жадно хватали воздух. И всё попусту, дружище. Избранный вами способ ни к чёрту не годится. Вы используете неправильную методику лечения. В данном случае, с учётом индивидуальных особенностей вашего организма, идеально подойдёт шавасана. Вы что-нибудь слышали об этой практике? Она намного эффективнее дыхательных упражнений. И главное – никаких побочных эффектов! Всё слишком просто: вам следует стать трупом. Нет-нет, не надо умирать, майн герр. Только примите позу трупа: лягте на спину, как мертвец, опустите руки вдоль тела, ноги слегка раздвиньте. Будьте абсолютно неподвижны: разве у трупа есть проблемы? Его одолевают сотни мыслей в минуту? Нет! Добейтесь состояния полного умиротворения. Помните, расслабление

идёт не сверху вниз, а снизу вверх – от кончиков пальцев ног к затылку. Пробудьте в этой чудесной асане десять минут, представляя себя огромной птицей, отрывающейся от земли и парящей высоко в небе. Результат вас ошеломит, коллега! Ваше тело станет невесомым и поднимется ввысь, как пушинка, подхваченная ветром. Ну, так чего же вы ждёте? Сию же минуту ложитесь на пол!

– Благодарю вас, профессор, но...

– Прошу вас! – упорствовал старик.

– Я сказал – нет. И вообще...

– Что «вообще»? Ну, продолжайте, продолжайте! А-а-а, так вы, значит, не желаете слушать бредни старого еврея, считая их вздором, да? Ну что ж, коллега, это в корне меняет дело. Похоже, пришло время внести ясность и дать чёткое определение нашим непростым отношениям. Результат большого числа отдельных умозаключений, сделанных исходя из моей эрудиции и общего кругозора, показывает, что вам, по всей видимости, и правда не нужны мои советы и рекомендации. Вы ведь и без меня всё прекрасно знаете, – Уилсону показалось, что Зигмунд пожал плечами в знак того, что сдаётся. – Или, быть может, вы видите во мне конкурента? Прошу прощения за прямоту, но у вас, надо думать, сейчас только одна потребность – в сочувствии и жалости к себе, бедному и несчастному...

Джозеф стремительно поднял голову и посмотрел на профессора. Его глаза горели гневом. «Полегче на поворотах, профессор!» – эти слова уже были готовы сорваться с его языка.

– Требую, чтобы вы не вмешивались в мою жизнь! Слышите? Я не стану больше терпеть ваших поучений! С меня довольно. Вы слышите меня?

Но кричать не пришлось, потому что герр профессор умолк сам, демонстрируя полнейшее нежелание общаться с хозяином этого кабинета.

Джозеф понимал, что единственное решение, в правильности которого он не сомневался, заключалось в том, чтобы взять паузу. Ну чем не соломоново решение? Заполучить передышку лишь на несколько минут или подлиннее – на полчаса, час – неважно. Главное – выждать. Это позволит ему выиграть время и сосредоточиться, а не рубить с плеча и тем самым показать Люси, которая хочет безжалостно разрушить привычный уклад его жизни, спокойствие и уверенность – на неё это может подействовать отвращающе. А самому тем временем собраться с мыслями и обдумать дальнейшие шаги..

Он слышал, как в приёмной трезвонил телефон. Затем до его ушей донеслось раздражённое меццо-сопрано Люси, – приглушённое и взволнованное, в нём звучали нотки драматизма и вместе с тем, как ему казалось, насмешливость. Она занималась тем, что «отбривала» его пациентов в откровенно резкой форме: «Ничем не могу вам помочь... Приём идёт по предварительной записи... Я не в курсе его расписания... Нет, мне ничего не известно о наличии свободных мест... Говорят вам, я ничего не знаю... Почему? Потому что больше не работаю в этом сумасшедшем доме... Что вы сказали? Ну, в таком случае ничего не мешает вам обратиться к другому психоаналитику... Это вы мне? Да перестаньте, в конце концов, хамить!»

Джозеф почти видел, как у неё в этот момент поджимаются губы и она взволнованно передёргивает плечами. Она всегда так поступала в случае затруднений, считая подобную мимику и телодвижение лучшим способом защиты от неблагоприятного внешнего воздействия.

Несколько минут спустя, выйдя, слегка сторбившись, из кабинета в просторную приёмную с креслами, обитыми сиреневым бархатом, он обратился к ней:

– Люси, – его голос был таким елейным и спокойным, каким он только мог его сделать. – Согласитесь, что ваш срок – очень мал. В наши дни женщины работают вплоть до самых последних недель беременности...

Даже стенам в ту минуту была понятна причина, по какой он прервался на полуслове: он вдруг осознал, что его пустословие подействует на неё как красная тряпка на быка. И замолчал,

затаившись в ожидании урагана под названием Люси – ужасающего вихря неведомой силы, который непременно обрушится на его голову. Однако его ассистентка молчала, плотно сжав губы. Кажется, в этот момент она была занята чем-то более полезным: сутилась, осматривая ящики и собирая свои вещи.

Чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, Джозеф в неуверенности провёл рукой по редеющим волосам и, стараясь не смотреть на ассистентку, перевел взгляд на стену: календарь сообщал о наступлении апреля 2019 года. Неужели? А ведь он и не заметил, как пришла весна! Тут его осенила мысль, от которой сразу стало веселее: «Ага! Так вот, оказывается, почему сегодня с самого утра его любимая радиостанция разразилась буйством шуток, а по ТВ сообщали списки самых глупых людей Соединённых Штатов! Неужто Люси решила разыграть его в честь праздника? Что ж, в таком случае он не станет обижаться на первоапрельскую шутку, а наоборот – посмеётся вместе с ней...»

Ну вот, к счастью, всё встало на свои места!

Он облегчённо вздохнул и заметно оживился, ещё не зная, что просчитался.

– Что? – запальчиво переспросила Люси, прервав его размышления. – Что, простите? – она метнула в Джозефа пронзительный взгляд, и доктор мог бы дать голову на отсечение, что в нем было больше злости, чем озадаченности.

Она, вздыхая, поднялась с корточек, закончив сваливать в увесистую коробку свои вещи – милый её сердцу мир, частицы которого она собирала и бережно хранила в ящиках письменного стола, в стенном шкафу и на полках, бесцеремонно отгеснив медицинские карты клиентов. В коробке находились склянки и флакончики духов, тюбики давно использованных помад, пустые коробочки из-под пудры, зеркальце, две или три расчёски, ужасная фарфоровая статуэтка серой кошки, музыкальный ларец с балериной, деревянная шкатулка для бижутерии, бисерная сумочка, копилка-поросёнок, бантики и платки и прочий хлам – всё, кроме каких-то вещей, указывающих на деловую активность!

Лишь в этот момент Джозеф обнаружил, что сегодня Люси была в необычном облачении. На ней вместо лёгкой приталенной блузы, юбки и туфель на шпильках было тёмное платье свободного кроя и обувь на плоской подошве. Такую одежду надевают беременные женщины Нью-Йорка, чтобы чувствовать себя комфортно. Хотя Люси она ни к чему, во всяком случае, на данный момент, поскольку она совсем не изменилась: тот же впалый живот, прилипший к осиной талии, костлявые руки, плоская грудь и торчащая из воротника блузы длинная шея, окольцованная стеклянными бусами.

– Я знаю, доктор, все ваши уловки. Сейчас вы начнёте манипулировать мной через испытанные методы подавления... Не выйдет! Я помню ваши слова, что внимание человека должно быть включено постоянно, чтобы хорошие психоаналитики, вроде вас, не смогли убедить его в перспективности совершенно бесперспективного занятия... И, к слову сказать, сомневаюсь, что вы так же великолепно знаете физиологию женщины, как психоанализ. Вам известно, что наиболее опасной стадией является первая половина беременности. При заражении велик риск, что ребёнок родится с различными уродствами. Никакая работа того не стоит...

– О каком заражении вы говорите, Люси? Я не понимаю...

– Вы прекрасно понимаете, о чём я... и о ком! – она выставила вперед ладонь, заставив Джозефа замолчать. – Здесь я ежечасно подвергаюсь воздействию психических микробов... Тут за день такое повидаешь... – её невидящий взгляд заскользил по шеренге стеллажей с папками. – А моё хрупкое тело не покрыто непробиваемым панцирем, как у вас, – она подняла правую руку и выставила вверх указательный палец, – чтобы наставлять на путь истинный самоубийц и маньяков южного Квинса, вроде этого вашего Томаса Патиссона, – он слушал медленное, по слогам, произношение фамилии и увидел, как взметнулся вверх ещё один её палец. – Развратников и мазохистов с Лонгвуд-авеню вроде Джеймса Хаммера или

Дороти Фокс с их тайными сексуальными желаниями: «О, я дрянная девчонка, доктор Уилсон, и ничего не могу с этим поделать».

Презрение не сходило с её лица, а рот кривился в брезгливой гримасе, пока она передразнивала пациентов. Такую Люси он ещё не знал. Молодая женщина подняла вверх третий палец:

– Ну и всяких там нарциссов, психопатов и мрачных меланхоликов Манхэттена, наподобие Чарлза Клу-ни и, конечно, Эндрю Роб-бин-со-на. Особенно Эндрю Роб-бин-со-на... Не припомню, говорила ли я вам, что он, уходя в последний раз, посмотрел на меня так, словно готов четвертовать, затем наклонился к самому моему лицу и зашептал на ухо: «Чёрт подери вас с вашим мозгоправом. Это не конец, детка! Мы ещё встретимся... В моём распоряжении имеются средства, которые означают для вас обоих тяжёлые последствия»... Мне, знаете ли, не привыкать, доктор Уилсон, но выходка этого сумасшедшего шокировала меня...

Так вот оно что! Эндрю Роббинсон. Услышав имя бывшего пациента, Джозеф передернулся от неприятных воспоминаний и что-то задрожало около его губ, словно он нечаянно коснулся оголённого провода и получил чувствительный удар. Вот, стало быть, в чём дело.

Эндрю Роббинсон посещал четыре сеанса в неделю в течение полугода и был сложным и неприятным пациентом. Толстый, обрюзгший мужчина сорока пяти лет (они с Уилсоном оказались почти ровесниками), в помятом костюме, с опухшим желтоватым лицом, а его левое ухо было заметно больше правого, что привлекало внимание к его довольно заурядной внешности.

– Я беспокоюсь по поводу всего, доктор, – это была, кажется, первая фраза, которую он сказал, как только занял место в кресле пациента.

– Хотите поговорить со мной об этом? – начал Джозеф, стремясь разговорить клиента.

– Я очень боюсь птиц, особенно голубей, и стараюсь избегать встречи с ними. Они вызывают у меня панический страх...

– А что же такого страшного вы находите в птицах, мистер Роббинсон?

– Меня могут склевать...

– Склевать? Мистер Роббинсон, я постараюсь помочь вам осознать, что вероятность, при которой птица может причинить вам вред, крайне мала. Пернатые сами опасаются людей и практически никогда не нападают первыми, если только не защищают своё гнездо...

– Но меня они хотят склевать. А ещё будят во мне жуткое чувство отвращения.

– Да? Почему же?

– Для меня они как летающие крысы – переносчики грязи и инфекций. Раньше я пугался только пролетающего мимо голубя. Теперь все ухудшилось: меня раздражает, даже если вижу их в парке мирно клюющими корм. Сегодня, проходя через Центральный парк, я спугнул голубей. Шумно хлопая крыльями, птицы взмыли вверх. Я уже успокоился, но оказалось, что далеко они не улетели, а принялись описывать круги над моей головой. И вскоре спикировали вниз и возобновили пиршество. Они хрипло каркали...

– Но голуби не каркают, мистер Роббинсон. Они воркуют... или курлыкают, если хотите. Это милые и безобидные создания...

– А те каркали... Мне показалось, они издеваются надо мной. И налетали друг на друга, ссорясь из-за добычи.

– Это то, зачем вы пришли ко мне, мистер Роббинсон?

– Нет! Разумеется, нет, доктор! У меня есть множество причин для беспокойства. Вы ведь слышали про таяние ледников Гренландии? – он удивленно приподнял брови. – Если это правда, то человечество останется без пресной воды. А что будет с океаном, если растает Антарктида? Сколько стран уйдёт под воду?

«Наблюдаю орнитофобию, тревогу и навязчивые мысли», – аккуратно записал Джозеф в своём блокноте.

– Продолжайте, прошу вас, мистер Роббинсон. Что ещё вас тревожит?

– Я волнуюсь по поводу того, где мне держать свой сотовый телефон.

– А что насчет сотового?

– Раньше я всегда держал его во внутреннем кармане пиджака. Но у меня стало болеть сердце.

– Да? И что вы?

– Мне пришлось переложить его в карман брюк, но боюсь, что рано или поздно у меня обнаружат рак гениталий. Из-за этого я не могу уснуть. И ещё мне всё время кажется, что я не помыл руки после того, как почистил зубы. Ночью встаю несколько раз и проверяю, хорошо ли заперта входная дверь...

– У вас имеется основание кого-то бояться, мистер Роббинсон? Вам кто-нибудь угрожает?

– Не думаю. Но разве вы не слышали про вооруженные уличные банды, ведущие войны за контроль над кварталами, за право торговать там наркотиками? Афроамериканцы и латиносы, ирландская мафия и сицилийские кланы – они люто ненавидят друг друга. И, знаете, доктор, когда живёшь в Южном Бронксе, тебе не лишне позаботиться о своей безопасности. Почему вы молчите? Признайтесь, хотите оставить меня одного на поле боя? И прошу вас, доктор, не надо... не старайтесь меня переубедить, что все эти опасения – лишь плоды моей буйной фантазии и большого воображения... Вот сегодня, к примеру, я влип в передрагу. Шёл к вам и по пути наткнулся на бандитов. Они выскочили из фургона марки «Ford». Видели бы вы их свирепые лица – от их взгляда в жилах стынет кровь! Двое или трое – здоровенные лбы, – действуя заодно, начали на меня охоту. Увидев копа – при том, что я ненавижу копов и никаких дел с ними не имею, – я завопил, что меня преследуют. Как вы думаете, что произошло дальше? Вам любопытно? Через пару минут коп, переговорив с разбойниками, сказал мне, что не стоит паниковать. Это, мол, никакие не грабители, а обычные бездомные, выпрашивающие у прохожих пару баксов на обед. Сказал, что полиция постоянно их разгоняет, но тех это не заботит – они снова возвращаются на свои места. Как вам, доктор Уилсон? Вы бы поверили в эти рассказы?

В комнате повисло молчание. Джозеф записывал что-то. А Роббинсон сверлил взглядом носок своей туфли, словно видел его впервые. Потом заёрзал на месте и, не поднимая головы, воскликнул:

– Послушайте! Нельзя ли опустить шторы? Мне в глаза бьют солнечные лучи! Так-то лучше! И ещё... у вас есть другое кресло? Нет, такое же меня не устроит. У меня спина ноет, чёрт бы её побрал! Мне нужна удобная спинка. Нет, спасибо, на вашей кушетке мне будет жестко, вам не мешает сменить её на мягкий диван. Как это понимать? – он соорудил обиженное лицо. – Вы же не хотите сказать, что мне придётся стоять во время сеанса? Так не годится, доктор. Я не хочу, чтобы мне портили настроение...

– Вы полагаете, я порчу вам настроение, мистер Роббинсон? – Джозеф откинулся в кресле и посмотрел на потолок, как всегда, когда внимательно слушал собеседника.

– Вы пытались это сделать, – ответит тот, глядя доктору прямо в глаза, чего никогда прежде не делал.

Джозеф вопросительно поднял брови.

– Благодарю вас, мистер Роббинсон, за откровенность. Я непременно учту ваши замечания, а также просьбу относительно кресла. А сейчас, если вас не затруднит, я бы всё-таки попросил вас пересесть на кушетку – всего лишь на пару мгновений. Замечательно. Итак, что вы видите перед собой, сидя на кушетке? О'кей. А теперь пересядьте на моё кресло. Да-да, сюда. Вы очень добры. Что вы замечаете? Правильно. Здесь всё иначе. Но это одна комната. Мы просто смотрим на неё с разных точек. Так и с вашими проблемами. Взгляните на них с другой точки зрения. И они уже не будут так страшны, так болезненны.

Посетив доктора через день, Эндрю Роббинсон стал жаловаться, что не спит по ночам, переживая, не капает ли вода из крана в душевой. Не произошло ли короткое замыкание, что непременно станет причиной пожара. Или, быть может, пока он безмятежно спит, происходит утечка газа. Он слышал, что не всегда можно учуять запах газа, и ему бы не хотелось сгореть заживо в своей квартире или задохнуться.

У него был особый дар постоянно преподносить Джозефу сюрпризы. Так, однажды он принёс абстрактный рисунок и заявил, что это статуя Свободы. Это оказалась грубая, аляповатая мазня, примитивная и жалкая. Не найдя восхищения в глазах доктора, он стал злиться, вопил, что он художник, правда, ещё не оценённый. Да, возможно, он немного безумен, кричал он, но ведь у любого творческого человека есть отклонения в психике. И это совсем не означает, что он сумасшедший, просто другой, не такой, как все. Наконец, в подтверждение своих слов, он извлёк из кармана тёмно-синего макинтоша свёрнутый рулон, которым оказался постер о его персональной выставке. «Господи, да он мнит себя живописцем, – размышлял Уилсон. – Предварительный диагноз: невроз либо даже параноидальная шизофрения. Придётся разбираться с этим. Ну, а что касается его иллюзий – не будем их развенчивать. Против болезни хороши все средства. Даже обман пациента. Ведь, по сути, это не обман, а вынужденное средство терапии».

– Повсюду бактерии. Вирусы. Они везде — в воздухе, в воде, на нас, внутри нас. Боюсь, что меня паразит какой-нибудь страшный недуг, – сообщил Роббинсон во время очередного визита.

– Ну что вы, сэр! Да будет вам известно, никакой вирус вас не возьмёт, если внутренне вы настроены на здоровье и долгую успешную жизнь!

– Что? Вы считаете, страх – всего лишь мой вымысел? Допустим. А если случится землетрясение, ускорится глобальное потепление из-за загрязнения атмосферы? Это тоже мираж, скажете? Вот потому всё это меня беспокоит. А вас разве нет? Нет? Тогда это ваша проблема. И вообще, вы не рассказали, как собираетесь лечить меня? Неужели электрошоком, пуская ток в голову? Вы ведь, слышал, психиатр, вам всё сойдёт с рук...

– Прежде всего я собираюсь вас выслушать, Эндрю. Мне важно понять причину ваших фобий. Затем проанализирую услышанное, и мы приступим к лечению. Вам стоит раскрыться, чтобы мы полноценно пообщались. Терапия – это обмен. Вы пожинаете то, что посеяли.

– Что за чушь, доктор? Или я неинтересен вам как пациент? К чему эта никому не нужная болтовня? Если вы врач, дайте мне лекарства, что-то, что поможет.

– По своему опыту я знаю, что лекарства стоит принимать с большой осторожностью. Я не назначу вам препаратов, если буду сомневаться, помогут ли они вам. Такой у меня подход к делу. Я верю, что беседа и раскрытие проблемы – самый действенный метод в сочетании с медитацией, соблюдением правильного образа жизни, баланса. И если это не принесёт должного результата, тогда я выпишу вам лекарства. Давайте попытаемся продвигаться вперед, шаг за шагом.

– Я так и знал – кругом одни враги. Они повсюду. Юрист желает, чтобы ты попал в беду. Автослесарь радостно потирает руки, если ты разбил автомобиль. А врач счастлив, когда ты болен. И их злодейский заговор сработает, если они столкнут кого-нибудь в депрессию и превратят в послушное орудие в своих руках. Вы – один из них! Утверждаете, что помогаете людям, но, ломая их психику, только искажаете их реальность. Боже, зачем я вообще сюда потащился? Ненавижу людей, их грёбаное лицемерие...

«Что ж, у каждого безумия своя логика», – думал Джозеф. Его взгляд скользнул по стене, откуда с портрета ему одобрительно подмигнул старик Фрейд: «Какое завидное хладнокровие. Bravo, Уилсон, bravo!». Действительно, его внешнее хладнокровие почти граничило с безразличием. И, продолжая беседу, он произнёс:

– Вам незачем так волноваться, Эндрю. Я найду для вас правильное лечение.

– Что порекомендуете на сей раз, любезный доктор-мозгоправ? Впрочем, вы не оригинальны. Знаю, опять отправите меня в магазин покупать что-то, чтобы поднять настроение. Угадал? У меня дома уже коллекция новых вещей! Или посоветуйте пойти в кондитерскую за шоколадным тортом? Из-за ваших никчемных советов у меня отросло пузо и теперь штаны и рубашки, купленные по вашему предписанию, мне малы. У вас что, договор с кондитерской на привлечение новых покупателей? Что? Вы спрашиваете, как мне пришла в голову такая мысль? Да я постоянно вижу в том магазине толпу. Уверен, все они – ваши клиенты! Я понял, что к чему: вы такой же, как и ваши собраты: все на один лад! Считаете меня законченным идиотом и вам плевать на меня! Потому что всем плевать на то, что говорит идиот! А может у вас нестандартное чувство юмора? Что, если вы решили поиздеваться надо мной – как те голуби в парке?

– Вам полегчало, Эндрю, когда вы высказали всё, что было в вашей голове?

– Хм, хотите сказать, вам не хватило времени, чтобы разобраться, что в этом странном кабинете, в вашем до чёртиков неудобном кресле сидит человек, которым владеет недуг куда более мощный, чем болезнь? Вы можете мне ответить, кто я? Куда я иду? И что ждёт меня впереди? Мой ум повреждён. И знаю, что завтра лучше не будет. Будет только хуже. И потому смерть меня не пугает. Меня страшит жизнь. Я постоянно думаю о самоубийстве. А ещё боюсь, что однажды у меня получится...

– Энрю! Сейчас мы начнем экспозиционную терапию.

– Что?

– Нам нужно вернуться к тому дню, когда всё это началось. Поверьте, Эндрю, здесь вам обязательно помогут...

– О, нет! – закричал он. – Не помогут! – и вызывающе засмеялся. – Вот он, перед вами – живой пример, что ваша терапия не действует. Не знаю, как и почему пришёл сюда, но я здесь в последний раз. Вы давно махнули на меня рукой. Вы больше не обсуждаете со мной происхождение моих страхов, а просто терпеливо всё выслушиваете и выражаете надежду, что до следующего сеанса со мной ничего не случится. А ваша импульсивная помощница, как её? Люси? Смотрит на меня с издёвкой и убирает со стола мои деньги. Или выставляет мне чек.

– Эндрю, не будем тратить время на обсуждение характера моей помощницы. Вам надо пройти терапию... Если желаете, мы даже можем обговорить с вами возможность сокращения нашего общения...

– Нет! Ваше лечение бессмысленно, оно мне не помогло. Вы даже не прописали лекарств! Я не чувствую себя лучше после ваших сеансов. Всё кончено! Обойдусь без психоаналитика. Я уже и так нехило пополнил ваш счёт в банке... Но вы всё ещё пытаетесь удержать меня, как и других своих пациентов.

– Вы ошибаетесь, Эндрю! Если бы я удерживал пациентов ради денег, то плохо бы спал по ночам...

– Не уверен. Вы просто злоупотребляете своим положением...

– Злоупотребляю своим положением?

– Именно! Кстати, почему вы всё время поглядываете на часы?

– У меня плотный график, Эндрю...

– И что это значит? – оборвал тот Джозефа. – Что сеанс окончен?

– А вы хотите?

– Хочу, чтобы был окончен.

– Тогда считайте, что он окончен.

– Хорошо. Но учтите, чёрт вас подери, это ещё не конец. Мы встретимся. Ах, если бы вы знали, как сильно мне иногда хотелось двинуть кулаком в вашу добродушную физиономию или подложить дохлую крысу под эту дурацкую кушетку! Это сравняло бы счет... Но и это

не всё... В моём распоряжении имеется кое-что, что напрочь испортит вашу репутацию! Вот увидите... это будет иметь для вас такие последствия, что мало не покажется...

А потом случилось то, что должно было случиться при таких обстоятельствах. Джозеф Уилсон всегда признавал необходимость физического контакта с пациентами. И обычно они с Эндрю обменивались рукопожатиями в конце сеанса. Но не сегодня: Эндрю толкнул дверь ногой и даже не обернулся на прощанье.

За долгие годы работы в практике доктора Уилсона случалось всякое. Но большинство пациентов были благодарны ему. В те редкие дни, когда он болел, они справлялись о его здоровье: как он себя чувствует и состоится ли очередной сеанс? А если он уходил в отпуск, опасались, что он больше не вернётся, и это станет для них концом света! Они дарили ему конфеты и музыкальные шкатулки, поздравляли с праздниками и присылали открытки на Рождество, порой незаслуженно, потому что, бывало, его пациенты выздоравливали сами. Врачи, объясняя этот феномен, называют его спонтанной ремиссией. В таком случае Уилсону было нечего сказать самому себе: его клиент здоров и он рад, что теперь они могут попрощаться. Самым ценным подарком для него оставалось простое «спасибо» и объятия: подобные вещи заставляли его просыпаться утром и старательно выполнять свою работу. Но бывало, к счастью, крайне редко, что вместо признательности он слышал оскорбления и даже угрозы. Иначе и быть не могло – такова специфика профессии. И внутренне он был к этому готов. Единственное, чего бы ему хотелось – нарастить непробиваемый панцирь, чтобы с большей лёгкостью выносить критику и нападки клиентов. Увы, в особо острые моменты его панцирь оказывался недостаточно прочным...

– Таким образом, доктор Уилсон, – продолжала Люси, лихорадочно подбирая слова. – При всём почтении к вам, я... ну, вынуждена заявить, что не намерена оставаться в такой опасной среде... Точка! Иначе, ещё чуть-чуть, и мне самой придётся сесть на валиум и прозак. Да, и вот что... – внезапная перемена, произошедшая с её голосом и выражением лица, настораживала: озабоченность сменилась надменностью. – По поводу моего срока: накануне гинеколог сообщил, что к седьмой неделе беременности крошечный мозг эмбриона производит пятьсот тысяч нервных клеток в минуту. Представляете? Полмиллиона клеток в минуту! А вы говорите: «Срок ничего не значит»...

Ее заносчивый тон задел доктора. По правде сказать, ему страшно хотелось почувствовать себя обиженным. И все же он не показал виду, хотя его состояние выдавали следы усталости и стресса, выступившие на лице.

«В этом решении Люси нет моей вины, – твердил он про себя. – Я всё делаю и говорю так, как нужно. Стараюсь не допускать ошибок. Да, я самокритичен в некоторых вопросах, но в том, что касается моей компетентности как психотерапевта, я о себе высокого мнения. И потому берусь за любые случаи. Творю добро. У меня светлая голова, острый ум. Я себя люблю. И меня любят пациенты, исключая психопатов, вроде Эндрю Роббинсона».

Что ж, пусть Люси поступает, как ей вздумается! Она настроена скептически, и вряд ли получится её переубедить. Хотелось бы только, чтобы она не ушла к конкурентам! Да хотя бы к этому пройдохе, доктору Расселу. А что, если это именно то, что она задумала? Иначе зачем она предлагает клиентам обращаться к другому специалисту?

А Рассел? Какой он ему конкурент? Никакой! Полная бездарность! Хотя статьи об этом жулике с кричащими заголовками, типа «Известный психолог», «Автор многочисленных бестселлеров» и «Создатель уникальной методики», не перестают мелькать на страницах жёлтой прессы, а его фотографии, где он позирует, точно для рекламы зубной пасты, усмеваются над Уилсоном... и затмевают даже пошлые истории из жизни звёзд и политиков. Эти заказные статьи и навязчивая реклама по телевизору обеспечили доктору популярность, привлекли множество клиентов и превратили в «звезду психоанализа»!

А ведь у Рассела, в отличие от него – блестящего выпускника факультета психиатрии Стэнфорда – нет никакого медицинского образования, лишь диплом факультета психологии неизвестного университета и многолетняя практика вешания лапши на уши. Джозеф был уверен, что Рассел закладывает у своих клиентов ошибочные модели поведения, даёт неправильные установки и невыполнимые советы. Консультации этого авантюриста попросту вредны! Но слишком мало тех, кто в этом разбирается, и популярность психологических услуг «великого гуру» продолжает расти как грибы после дождя. Он уверенно отхватил свой кусок на рынке: консультирует по радио, воздействует на психику групп, проводя псевдотренинги, больше смахивающие на сеансы самогипноза, во время которых даёт страждущим рекомендации на тему: «Как жить без внутренних конфликтов» и «Как себя полюбить». Американцы любят тренинги не меньше тусовок, подсаживаются на них не хуже, чем на марихуану. После них их жизнь особо не меняется, но остаётся иллюзия скорого решения всех проблем. Каждый пятый пациент Джозефа когда-то проходил тренинги или лечение у Рассела. Оказалось, некоторых тот посадил на такие антидепрессанты, что они забывали снимать штаны, прежде чем сесть на унитаз. Вспомнил Джозеф и тот день, когда Рассел позвонил ему и пригласил на ужин «для знакомства». Как бы не так, прохвост, даже не надейся!

Понимая, что поработать в такой гнетущей обстановке не получится, Джозеф попросил Люси отменить на сегодня все сеансы. Она гневно оторвала взгляд от ногтей, которые старательно покрывала ярко-красным лаком, и фыркнула, что означало: «Только ради вас, сэр». И нахмурилась, возвращаясь к прерванной работе, давая понять – разговор окончен. Это ещё сильнее огорчило доктора и было расценено им как откровенное неуважение. Раньше ему казалось, что она умеет слушать его с благоговением, с молчаливой покорностью смотря в глаза и аккуратно записывая в блокнот все поручения. Нет, он никогда не был склонен к авторитарным замашкам босса, требующего от подчинённых беспрекословного повиновения. Он ждал лишь одного – преданности работе и уважительного отношения к нему как к работодателю.

Так что же стало причиной такой разительной перемены в поведении Люси? Неужели он – расхваленный на весь Нью-Йорк доктор медицины, психиатр и психотерапевт-аналитик – мог так сильно заблуждаться на её счёт, не сумев найти истинных мотивов, которые ей движут? Да, порой она была резка и своенравна, но он думал, что её вспыльчивость объясняется её женской природой или ярким темпераментом. Он всё ещё считал маловероятным, что его представление о Люси было совершенно ошибочным...

Чувствуя, что нервы так и не получается успокоить, доктор Уилсон вытянул из стола старинный чёрного серебра портсигар. Он был ему дорог как память о Вивиан, безвременно ушедшей жене. Много лет назад она из всех диковин антикварной лавки выбрала этот изящный портсигар – для подарка к его дню рождения... Покрутив его в ладонях, он сказал себе, что пора бы уже завязывать с курением. Но только не сегодня.

Вытащив из портсигара последнюю сигарету «Treasurer», он щёлкнул зажигалкой и закурил, сделал две глубокие затяжки и затем положил никотиновую палочку на край пепельницы. Над ней завился лёгкий сизый дымок, потянувшись к окну. Его рука непроизвольно потянулась к фотографии в коричневой рамке. И он взгляделся в застывшее в лучистой улыбке лицо Вивиан. Ей так и не удалось испытать радости материнства. У неё было хорошее здоровье, но роды проходили с осложнениями. К тому моменту, когда её привезли в больницу, у неё разорвалась плацента, и она потеряла слишком много крови. Девочка появилась на свет через кесарево сечение, а жена умерла от сильного кровотечения, успев обнять недоношенную малютку и шепнуть её имя – Оливия, то есть «несущая мир». Это было так похоже на Вивиан: пожертвовав собой, дать новую жизнь и надежду на что-то светлое!

Перед его глазами встала страшная картина, когда хирург сообщил о смерти жены:

– Мы сделали всё, что было в наших силах, мистер Уилсон. Но, к сожалению, нам не удалось спасти вашу жену.

У него подкосились ноги.

– Нет, – в горле собрался ком и он завыл. – Только не это. Только не моя Вивиан!

– Сочувствую вашему горю. Уверен, ваша жена была чудесной женщиной, и понимаю, как сильно вы будете скучать по ней. – Врач положил руку ему на плечо и кивнул в сторону окна: – Там за углом есть небольшая часовня. Если вы верующий, может, вам станет легче, когда вы помолитесь.

Он не хотел слышать банальных слов поддержки – в тот момент любой жест доброты был для него невыносим.

После смерти жены Оливия принесла ему истинную радость. Никто лучше, чем ребёнок, не поможет перенести боль утраты. Пришлось взять няню – пожилую, но крепкую и очень добрую женщину миссис Браун. Она воспитывала его дочь до тринадцати лет. Девочке не хватало отцовской любви: он никогда не мог дать ей то, в чём она так сильно нуждалась. Работа превратила его жизнь в океан во время шторма. Почти каждый вечер он засиживался в своём кабинете до полуночи, изучая анкеты пациентов и анализируя записи, сделанные во время сеансов. А в ночь субботы занимался подготовкой к лекциям, которые в воскресенье днём читал студентам-медикам. У него находилось совсем немного времени, чтобы зайти в спальню дочери и поцеловать её на ночь, но и тогда он отказывался читать ей сказку «Как братец кролик заставил братца лиса, братца волка и братца медведя ловить луну», обещая в следующий раз рассказать сразу две: про братца кролика и про Дэви Крокета.

Так, а когда же была сделана эта фотография? Неужели, в день первой годовщины их свадьбы? Да, пожалуй, именно так. Вивиан всегда любила знаковые даты, чем смешила Джозефа. Он считал, что ни одна цифра не может быть сильнее чувств, но ей не возможно было доказать это. Она обижалась, если он забывал, какого числа и какого месяца состоялась их первая встреча, или когда впервые он поцеловал её. С ней было легко, не считая моментов, когда их взгляды на жизнь и происходящие события становились преградой на пути к взаимопониманию...

Он осторожно вернул фотографию на место и несколько раз медленно провёл ладонью, будто смахивая невидимые пылинки с рамки...

Затем подошел к огромному окну. Яркий свет пытался пробиться сквозь щели жалюзи и создавал в кабинете мягкое освещение. Раздвинув пальцами горизонтальные пластины, он поначалу зажмурился, а затем ощутил, как весенние лучи солнца ласкают лицо. Их приветливое тепло не могли сдержать белые пушистые облака, плывущие по небу.

Расслабившись, доктор стал рассеянно наблюдать за происходящим на улице. Всё как всегда. Да и что можно увидеть на Манхэттене, кроме многоцветья толпы, которая гонится за материальными благами, находясь в постоянном стрессе от хронического недосыпания и фастфуда? В этой суете и заключается вся жизнь современного человека – карикатурная, ничтожная повседневность в большом городе, среди бутиков и офисов, стеклобетонных небоскребов, под которыми ползут машины... Да, теперь у людей другие ценности, их заботит только собственное «я». На то, что окружает их, они не обращают внимания. А если и обращают, то стараются быстрее вернуться в свой панцирь.

Раньше всё было по-другому. Раньше Вивиан и он обожали Нью-Йорк, никакой другой город в мире не мог сравниться с тем, где они жили! А теперь? Теперь он презирал его! Ненавидел эту мышиную беготню, она была просто невыносима, пугая и подавляя, тзаставляя ощутить себя несовременным и лишним. С какой радостью он предпочёл бы свободу, оставив медицинскую практику, с будоражащими душу ночными звонками, ответственностью и строгим распорядок дня, да и всю человеческую цивилизацию, чтобы поселиться вместе с дочерью на тихом острове, затерянном в Мировом океане! Но увы, как бы сильно ему ни хотелось быть с Оливией двадцать четыре часа в сутки, счета требовали регулярной оплаты.

– Простите, что вмешиваюсь. Я понимаю, что веду себя назойливо, но не могу оставаться в стороне, когда... – знакомое кряхтение с сильным немецким акцентом вырвало Джозефа из размышлений. Повернув голову, он бросил взгляд на стену, откуда сухощавый профессор Фрейд смотрел на него, недоверчиво сузив глаза! Похоже, в эту минуту ему потребовалось поболтать. – Видите ли, у меня нет круга общения, а данная потребность присуща всем людям, она, знаете ли, заложена в нас природой. Я не покидаю этого кабинета, не поддерживаю старых знакомств, а в вашем лице, к счастью, нашёл приличного собеседника. Но вынужден заявить, что не потерплю пустых размышлений в этих стенах...

– Что вам угодно, герр профессор? – Джозеф был не в том расположении духа, чтобы вести беседу, но, помня о приличии, изобразил сдержанную учтивость.

– Вот вы, Уилсон, утверждаете, что вам нужна свобода?

– Совершенно верно, профессор. Мне бы хотелось ощущать себя более свободным, чем сейчас. А что? Неужели вы видите в этом какой-то нонсенс?

– Ха, обожаю людей, которые заставляют меня смеяться. Потому что смеяться – это то, что я люблю больше всего, если не считать курение сигар. Знаете, это лечит множество болезней. И мне становится смешно, когда я вижу, как люди врут!

– Что? – переспросил Джозеф. – Что значит врут? Вы это о ком, профессор? Обо мне?

– Все врут, уважаемый коллега, и вы – далеко не исключение! А причин врать, поверьте на слово старику, у людей предостаточно. Газеты врут, мои биографы врут, фальсифицируя факты моей жизни, и телевидение сегодня только и делает, что бесстыдно врёт. Женщины пытаются скрыть свой возраст, свои расходы, счета за телефонные переговоры. Мужчины не говорят правду о доходах, боятся раскрыть свои истинные чувства, врут о семейном положении... Ужасно! Что касается вас, Уилсон: вы, грезя о свободе вдали от цивилизации, лгали, чтобы отвлечься, наивно думая, что ваши мысли обретут более привлекательный вид. А всё дело в том, что большинство людей в действительности не хотят никакой свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность людей страшит... Я описывал это в своих работах. Вы ведь, полагаю, читали мои труды? Двадцать четыре тома! Тогда зачем вы мелете эту чушь, что вам, дескать, надоела медицинская практика! Пациенты открывают вам самые сокровенные тайники души. Вы успокаиваете их, утешаете, прогоняете отчаяние. А вас за это холят и лелеют. И, признайтесь, неплохо платят...

Надоедливый старикан! Опять завёл свой патефон! Заумный и скучный всезнайка! На что он рассчитывает? Хочет втянуть меня в задушевную беседу? Ну уж нет, откровенничать с ним я точно не собираюсь! Во всяком случае, не сейчас. Хотя, справедливости ради, старик прав. Он, Уилсон, любит свою работу. И понимает, как ему повезло. Ведь он нашёл свое призвание и мог со всей уверенностью заявить, что находится именно там, где должен, – на пике своего таланта, в полном соответствии со своими желаниями и интересами. Каждое утро, когда ассистентка приносила ему регистрационную книгу и он видел имена шести или семи пациентов, с которыми ему предстояло провести этот день, его наполняло чувство, определить которое он мог лишь как благоговение. В такие моменты его охватывала благодарность – чему-то, что привело его на верный путь.

Вернувшись к столу и устроившись в кресле, Джозеф вновь открыл портсигар, чтобы выкурить очередную сигарету. Но серебряный футляр оказался пуст. Тогда, пошарив в нижнем отделении стола, он вынул деревянный ящик, в котором хранил дорогие сигары. Он не любил сигар, но ему нравилось на них смотреть, любоваться переливчатыми цветами и рисунком, напоминающим сеть капилляров; изучать сигарные банты с медалями и узорами; касаться их и чувствовать приятную шероховатость, свойственную некоторым сортам табака; слышать легкое потрескивание при надавливании, говорящее о правильности их хранения. Вот и сейчас он изучал огромную кубинскую сигару, пытаясь вникнуть в её суть; представил себе, как, если верить производителю, её катали вручную, не доверяя эту работу станку, на тёмном

бедре страстной кубинки. А затем, чтобы вдоволь насладиться ароматом, вертел её в пальцах, лаская, глядя и вдыхая запахи незажженной сигары.

– Вы знали, мой друг, что курением человек удовлетворяет сосательный рефлекс и компенсирует отсутствие материнской груди? Хотя иногда сигара – это просто сигара, и ничего более, – услышал он язвительный смешок профессора, видевшего в этом предмете фаллический символ. – Курение, Уилсон, – это одно из величайших и при этом самых дешёвых удовольствий в жизни...

Не обращая внимания, доктор щёлкнул гильотинкой, отрезая кончик сигары, медленно раскурил её и стал с остервенением выпускать дым. Спустя полминуты, когда во рту появился омерзительно-горький привкус, а в горле запершило, он судорожно раскашлялся. Ему захотелось выплюнуть эту гадость, но, сам не зная почему, он вцепился в неё зубами ещё крепче, так, что челюсти заломило. Прошла томительная минута, прежде чем Джозеф понял – курение не принесло ему умиротворения. И он загасил сигару, уловив недовольный резкий окрик со стены, заставивший его замереть.

– Уму непостижимо, Уилсон! Что за фортели вы выкидываете? Сигару не гасят намеренно – это полное к ней неуважение и признак дурного тона! Её бережно укладывают, чтобы она потухла сама... Право же, не ожидал от вас такого художества! Я смотрю, вы слабак! Не выкурили гавану даже на четверть! Эх, если бы я сейчас мог... Я выкуривал по двадцать сигар за день, иногда больше! Да-да, и именно это помогало мне сосредоточиться, дьявольски помогало, скажу я вам...

Джозеф с досадой оттолкнул хрустальную пепельницу, полную исковерканных окурков и серого табачного пепла. Она заскользила по полированной поверхности стола с возрастающей скоростью, как скользит подгоняемая утренним бризом яхта по глади моря, но удержалась у самого края, словно её что-то остановило. Это спасло ворсистый турецкий килим на полу, много лет назад доставленный из Стамбула: его яркие узоры приглянулись Вивиан («Погляди, милый, они переливаются, словно драгоценные камни»), что она, будучи на редкость упрямым человеком, уговорила его раскрыть бумажник и выложить за ковёр без малого тысячу долларов, несмотря на протест Джозефа. Ничего нового: ему никогда не удавалось переубедить жену, и если уж она что-то задумала, то ни за что не отступалась от своего... Сама она с гордостью называла эту сторону своего характера упорством, Уилсон же был убеждён, что это упрямство, ведь первое имеет своим источником сильное желание, а второе, наоборот, сильное нежелание. Нежелание уступать. Потому что для Вивиан было важнее оставаться собой, чем не конфликтовать с кем бы то ни было, даже с собственным мужем. Похоже, что их дочь Оливия унаследовала от матери не только миндалевидные глаза, прямой нос и ямочки на щечках, но и её неуступчивость.

Ты не в себе, Джо! Возьми себя в руки и сохраняй спокойствие! И пепельница эта тебе ещё пригодится! Ведь ее вдумчивое созерцание твоими клиентами, детальное обсуждение ее достоинств, вместе с дальнейшей болтовнёй о превратностях погоды, о котировках и текущем курсе доллара, и непременно о самочувствии помогает им прийти в себя, собраться с мыслями, и, в конечном итоге, повышает эффективность лечения...

За последние два года на должности Люси побывали четыре женщины. Две из них были довольно молодые особы.

Первая, кажется, её звали Меган, назвалась моделью или актрисой, правда, непризнанной. Она была несколько полноватой для модели, но всё же стройной и высокой. И смазливой, что и вскружило ей голову. Она с трудом отвечала требованиям к ассистентке доктора и уволилась через месяц, получив роль в коротенькой рекламе крема для лица.

Вторая – аляповато одетая бывшая официантка по имени Келли. По-видимому, ей была очень нужна эта работа, и в первые дни она всё время оглядывалась на его дверь, тревожась,

не сморозила ли чего-то по телефону, не переступила ли запретную черту в общении с его пациентами.

Но в самом начале второй недели она заявила на работу с накладными ногтями и ярко покрашенными губами: она выглядела до ужаса неестественно! Но это обстоятельство не мешало ей не терять времени даром. Она компенсировала отсутствие чаевых на новой работе тем, что пыталась заводить шашни с богатыми (и необязательно холостыми) клиентами, обременёнными душевными проблемами.

Однажды Джозеф случайно подслушал её разговор с подружкой, бывшей напарницей по ресторану, решившей, вопреки установленным правилам, нанести ей визит в рабочее время. А ведь он не терпит никаких отступлений от заведённого порядка!

– Скажи, подруга, до каких это пор ты собираешься мотаться как угорелая между столиками и расплываться в улыбке направо и налево? Тебя ещё не воротит от запаха форели? У тебя же мозги свои есть! – пылко говорила Келли. – И наружность подходящая! Чего ты ждёшь? Могла бы воспользоваться случаем, обаять какого-нибудь толстосума с Уолл-стрит и взметнуться, как ракета, на самый верх.

– Ты права, Келли. И двух мнений тут быть не может, но не так всё просто, – отвечала та. – Мне, конечно, многого не понять в сложном мире чувств. Но одно мне известно: толстосумы сокращают не только путь наверх, но и твою жизнь. Я слышала, как они пьют кровь своих пленниц. А уж если ты продала им душу... ну, то есть тело... нет, это точно не для меня.

– Смотри, не переусердствуй, изображая недотрогу. А то и впрямь придётся всю жизнь спину ломать подавальщицей. Просто запомни одну вещь: никогда не выходи замуж по любви. Это ненадежно.

– Ты не веришь в любовь, да, Келли? – простодушно спросила та.

– Ни капли! Потому что нереально, чтобы мужчина и женщина прожили всю жизнь вместе, чувствуя лишь временное взаимное влечение. Любовь – всего лишь слово, которым люди пользуются, чтобы описать эти чувства.

– А как же создавать семью без любви? На основе чего?

Келли насмешливо взглянула на подружку:

– Невеста должна быть на поколение, а лучше – на два моложе своего жениха. Короче, чем кобель старше и богаче, тем лучше... И пусть это тебя не шокирует! Это практично...

Ранним утром, на второй день после увольнения Келли, профессор Фрейд очнулся и устроил Уилсону взбучку:

– Когда вы нанимали на работу эту девицу, коллега, вы наивно верили, что она является образцом добродетельной фрау и будет превосходным работником. Но бывает ли у добродетельных фрау такой порочный изгиб губ?

Этот вопрос прозвучал таким высокомерным тоном, с которым, вероятно, профессор Фрейд вел воспитательные беседы с безусыми студентами-первокурсниками... Но разве он не знает, что как ни изучай людей, в них всегда ошибаешься. Почти всегда!

Третьей ассистенткой Джозефа Уилсона стала Камилла – бывшая школьная учительница, не в меру привередливая, с худощавой фигурой, потерпевшая крах на профессиональном поприще. С тяжёлым характером, с таким же тяжёлым квадратным подбородком и подозрительным взглядом глубоко посаженных глаз, она впивалась в собеседника взглядом, словно гипнотизируя.

Дела вела она, пожалуй, неплохо, во всяком случае, в бумагах у неё царил полный порядок. Но всё же не подходила ему из-за смущающих его странностей. Она имела обыкновение встречать и провожать клиентов долгим косым взглядом, награждая их прозвищами вроде: «псих», «чудаковатый тупица», «маниакальный интроверт» или «неуч-второгодник». Каждую минуту своей жизни она тратила, чтобы успеть вторгнуться в чужое личное пространство и отвоевать его. Она знала правило: чтобы победить – необходимо нападать. И в такие моменты

напоминала кобру, готовящуюся к прыжку, хотя в это время могла мило улыбаться. Если же она, по какой-то причине, терпела фиаско, то не сдавалась в стремлении оставить за собой последнее слово – как в общении с клиентами, так и с ним, Уилсоном, что заставляло его думать, будто всё это происходит не в кабинете психоаналитика, а в театре. Театре одного актёра, в котором все роли исполнялись комедианткой Камиллой!

Хм, а что она учудила год назад, на День дурака! Устроила розыгрыш, который, должно быть, позаимствовала у бывших учеников: перевязала тесьмой свой портмоне и незаметно подбрасывала под ноги озадаченных клиентов. Это занятие так веселило её, что она принималась хохотать во всё горло и хлопать в ладоши, заикаясь, ловя воздух ртом и вытирая слёзы так, что пробудила ото сна даже Фрейда: тот очнулся и первым делом попытался разобраться, где находится. Оглядевшись, вспомнил, что висит на стене, окаймлённый в портретную раму, отчего залился густой краской и начать сыпать словами:

– Нет, вы только полюбуйтесь на неё, коллега! Любопытнейший случай, скажу я вам! Вы ведь подметили, у этой вашей чудакотой фрау нарушены эмоции: она смеётся и плачет в смешанной и навязчивой манере? Исходя из симптоматики, пациентка испытывает глубокую клиническую депрессию. Надеюсь, дорогой мой друг, вы обойдётесь без моего совета, что эту истеричку может излечить контрастный душ. Хотя я всё же полагаю, что её место на этой кушетке. Не беспокойтесь, со временем оно понравится ей...

– Прошу прощения, профессор, но мне не смешно!

– Ну вот! – вздохнул старик, состроив обиженное лицо, и пробурчал недовольным тоном: – И так всё время. Коротать ночь в ожидании рассвета, чтобы утром, в ответ на бесспорную истину, тебе, знаменитости, обречённой на полную неподвижность, затыкали рот... А где же справедливость и признательность? Ну что ж, вижу пытаться научить вас чему-то – занятие неблагодарное; похоже, вы предпочитаете учиться на собственных ошибках, не прислушиваясь к наставлениям величайшего доктора медицины, профессора, почётного доктора права Университета Кларка, члена Лондонского королевского общества, обладателя премии Гёте, почётного члена Американской психоаналитической ассоциации, Французского психоаналитического общества и Британского психологического общества... – И он демонстративно умолк, хмурясь...

Последним перлом Камиллы стала фраза, брошенная ему как бы невзначай незадолго до своего увольнения: «Сегодня вы попытаетесь на оценку «С» – «удовлетворительно». Хорошо для посредственностей и бездарей. Но не для вас, мистер Уилсон! Для вас это скверно! Весьма скверно! Вы могли бы и большее рвение проявить...» Чеканя каждое слово, она не скрывала самолюбования в своей склонности воспитывать. Сотни раз просил он не звать его мистером. Только доктором, доктором Уилсоном... Он вдавливал такую простую вещь в её голову, которая, казалось, была крепко сдавлена из-за тугого пучка волос, собранного на макушке. Но Камилла, похоже, так ничего и не поняла... Или не желала понимать. Он уже стал подумывать, как бы от неё деликатно избавиться, но, к счастью, она его опередила, не забыв с ледяным выражением лица напомнить ему о выходном пособии.

Дольше всех здесь продержалась Люси, без малого, один год. И вот... забеременела в самое неподходящее время. И теперь решительно покидает его.

Только он откинулся на спинку кресла, и в бессилии закрыл глаза, как открылась дверь и в кабинет вошла виновница сегодняшней катастрофы.

– Я хотела поблагодарить вас за всё, доктор Уилсон. И попрощаться, – миролюбиво сказала она. – И ещё, я подумала, что не могу не сказать напоследок: возможно, вам необходимо посетить врача.

– Врача? Какого врача? С какой стати? – Было видно, что Джозеф всё ещё сердится и дует, хотя и понимая, что не в силах что-либо поменять.

– Ну, вам это лучше знать: психотерапевта или, быть может, психиатра, – еле слышно пробормотала она. – Понимаете, дело в том, что я видела, как вы жуёте карандаш. А ведь это тревожный симптом, доктор. К тому же, в современных карандашах есть свинец, который вызывает отравление. Возможно, именно этим и объясняется ваша раздражительность...

– Отлично! – Уилсон откинулся в кресле и сцепил руки на колене. – Вы полагаете, мне нужен психиатр, потому что я покусываю кончик карандаша? Что ж, браво, Люси! У вас редкая проницательность!

– Она, слава богу, мне не изменяет, – женщина покачала головой. – И не только это, доктор!

– А что же ещё я делаю? Зомбирую своих пациентов? Стираю их память и полностью переформатирую личность? Вы правы, управлять сознанием людей не так сложно, как кажется на первый взгляд...

– Вы напрасно шутите. Конечно нет! Но я не раз замечала, что когда вы остаётесь один в кабинете, вы начинаете говорить с самим собой... И не убеждайте меня, что это телефон – я проверяла! Думаю, это может быть весьма и весьма серьёзно! Берегите себя, доктор...

Люси... Когда-то она показалась ему привлекательной, гибкой, как кошка, и даже загадочной. А теперь он знает, кажется, все о ней, и она больше ничем не сможет его удивить.

– Ну, вот и всё. Прошу не провожать меня. В этом нет необходимости.

Хлопнула дверь его офиса – и стало тихо.

Уилсон наблюдал у окна, как Люси, держа перед собой коробку со скопившимся за год хламом, решительно сбегает по каменным ступенькам, раздраженно машет подъехавшему такси, бросает взгляд в небо и пускается по Мэдисон-авеню в сторону небоскрёбов Флэтайрон и Нью-Йорк-лайф-билдинг.

Хватит дергаться, Джо! Не накручивай себя! Уволилась так уволилась. Пусть благополучно родит здоровое дитя. Пора смириться и осознать, что катастрофы не случится из-за расставания с ней, хотя она и стояла на страже твоих интересов в офисе, мир с её уходом не перевернётся! Люси, как и все предыдущие ассистентки, никогда не была эталоном совершенства, который ты безуспешно пытаешься найти. В будущем следует быть внимательней, иначе заполчишь в ассистентки кого-то наподобие Камиллы.

И подумай на досуге, Джозеф, не слишком ли завышены твои ожидания? Ведь в Нью-Йорке трудно отыскать подходящего ассистента. Особенно если босс – вечно недовольный перфекционист, желающий, чтобы всё было идеально. И поэтому не позволяющий жить спокойно остальным.

Да и найти достойного помощника лишь полдела – его ещё надо обучить. А это такая морока! Ему уже осточертело вводить в курс дела новичка! К тому же, по его наблюдениям, современную молодёжь сложно учить чему-то новому: в колледжах они подвергаются необратимой умственной деградации. Порой он даже подумывал нанять человека, чтобы тот взял на себя функцию инструктора. Интересно, как бы назвать эту должность? Ничего не приходило в голову, кроме абсурдного – «ассистент доктора, инструктирующий будущих ассистентов доктора».

Джозеф повертелся в кресле и замер. Взгляд его окутала пелена, щеки впали – ничего не поделаешь, такова особенность его темперамента, никакая эмоциональная вспышка не проходит бесследно, тем более такая сильная, как сегодняшняя, напрочь выбившая его из колеи. Он глубоко вздохнул и почувствовал, что головная боль усиливается.

«Я скала. Я смогу, – зашептал он в твёрдой уверенности, что самовнушение поможет. Оно всегда спасало в стрессовых ситуациях, оказывая благотворное влияние как на тело, так и на ум, превращая плохое в хорошее, а хорошее в лучшее. – Да, ситуация не из приятных, но это не повод для отчаяния. Это всего лишь пыль, которую легко смести. Когда всё закон-

чится, я испытаю огромное облегчение. В мыслях я не буду возвращаться к прошлому, я избавлюсь от тягостной обузы. Буду идти навстречу удаче, счастью, буду наслаждаться жизнью!»

Он невзначай бросил взгляд на стену и заметил, что старик Фрейд скривился в насмешливой гримасе.

– Какого черта... – пробормотал Джозеф сквозь зубы. – Что такое?

Старик не растерялся.

– Ничего особенного, – заявил он, – хотя я вас несколько недооценил. А сейчас хотел бы похвалить, причём искренне...

– Почему это? – Джозеф внимательно посмотрел на портрет.

– Удовольствие! Какое же удовольствие доставляет мне видеть вас в минуты, когда вы занимаетесь самовнушением. Вы так искусно сживаетесь со своей ролью, вкладывая в неё столько сил, что впечатление создаётся поразительное. Если бы вы не посвятили жизнь психоанализу, из вас вышел бы выдающийся актёр! Вам полагается медаль за артистичность...

Боже, опять этот надоедливый старикашка несёт бред! Впрочем, Джо, может ты и вправду заслуживаешь похвалы? Или профессор снова осмеял тебя? Скорее наоборот: его тон хоть и был торжественным, но казался вполне вежливым. Он не шутил. В таком случае нельзя не отдать должное его стойкости: она наверняка ему понадобилась, чтобы не выдать чувства зависти к твоим многочисленным талантам...

Куда же запропастилась визитная карточка той пресловутой конторы? Неужели он вышвырнул её в мусорную корзину? Он потянулся к «Жёлтым страницам». Ага, вот и оно, «Simply Solution» – агентство по набору персонала!

Сняв трубку и набрав нужные цифры, он тревожным баритоном сообщил, что ему, доктору Джозефу Уилсону, экстренно, не позднее сегодняшнего вечера, требуется ассистентка «с энтузиазмом» на полную ставку, с опытом делопроизводства, умеющая общаться с людьми и вести приём посетителей. И, что крайне важно, она должна быть организованной и покладистой. И вовсе необязательно присылать юную и фееричную персону! Главное, чтобы в конце рабочего дня она всё ещё была способна улыбаться.

Он ожидал, что в ближайшие день или два ему придётся погрузиться в изнурительные собеседования с кандидатками из базы «Simply Solution». Так всё и происходило каждый раз: он проводил одно интервью за другим, и ему начинало казаться, что каждая «потенциальная мисс Вселенная» пытается убедить его, что пределом её мечтаний было записывать в блокнот поручения босса и отвечать на телефонные звонки. Он не верил ни одной из них, потому что позы, которые они при этом принимали, заставляли усомниться в искренности их слов...

Около часа он предавался размышлениям, но внезапно они были прерваны звуком открывающейся двери в приемной. Джозеф подождал пару мгновений, чтобы не показаться слишком взволнованным, после чего привстал, намереваясь встретить посетителя («Моя внешность в полном порядке: и лицо, и одежда!») Но деликатный стук в дверь кабинета раздался раньше, чем он успел встать в полный рост. На пороге стояла невысокая брюнетка средних лет в строгом тёмно-синем костюме современного покроя, который приятно обтягивал изящные формы. Волосы женщины были аккуратно собраны в высокий пучок, открывающий уши и длинную шею, глаза слегка подведены, в ушах висели, поблескивая, небольшие серьги. Они подчёркивали черты лица незнакомки, делая их тонкими и привлекательными.

Оглядевшись, она сделала несколько решительных шагов к его столу, застучав невысокими каблучками чёрных туфель-лодочек. Когда между ними осталось несколько шагов, она остановилась и смело посмотрела в его глаза. Уилсон обошёл стол и, незаметно прикоснувшись потной рукой к брюкам, протянул её для рукопожатия.

– Мистер Уилсон? – произнесла она приятным бархатистым голосом. Мягкий запах лаванды исходил от ее маленьких белых рук, а на пальцах он заметил два неприметных кольца, но не обручальное!

– Я Эмма. Мисс Эмма Мур.

– Доктор Джозеф Уилсон, – представился он сдержанно, но учтиво.

В момент, когда они пожали ладони, он, к удовольствию своему, ощутил крепкое, почти дерзкое рукопожатие (вялые и безжизненные пожатия он называл дохлой рыбой). Оно говорило, что перед ним спокойный и уравновешенный человек с адекватной самооценкой, знающий чего хочет, но умеющий приспособливаться к окружающим. А невидимые глазу волны её биополя, или флюиды, несли неподдельный дружественный настрой. Придя в соприкосновение с его флюидами, они заставили его проникнуться симпатией к незнакомке. Он вдруг почувствовал, что обрёл почву под ногами, и утренняя катастрофа предстала в совершенно ином свете: Люси не стоила того, чтобы трепать себе нервы. Разумные люди не тратят душевные силы на подобную ерунду.

Мисс Мур обладала манерами истинной леди; находясь рядом с такими людьми, мы невольно подтягиваемся и ведем себя благородно. С грацией кошки она уселась на край кресла. Держа спину прямой, а колени сведёнными вместе, и слегка наклонив ноги так, как это делает герцогиня Кейт Миддлтон, она взглянула на доктора. Несколько мгновений они пристально смотрели друг другу в глаза.

Она видела перед собой статного мужчину чуть выше среднего, лет сорока семи, с продолговатым лицом и прямым носом с небольшой горбинкой, что выдавало натуру упрямую, с выразительными ноздрями, короткими чёрными волосами с проседью. Она даже поймала себя на том, что залюбовалась его внимательными карими глазами, обрамленными тёмными ресницами, правильно очерченным ртом, обнажавшим в сдержанной улыбке ряд крепких белых зубов. Впрочем, доктор не должен догадаться, что она находит его привлекательным! Все же она нашла его довольно обаятельным, именно таким, каким ей описали в агентстве, добавив, правда, к образу нанимателя такие нелестные эпитеты, как «чрезвычайно требовательный», «капризный и дотошный» и «строгий вдовец, который, скорее всего, никогда больше не женится». Ей не понадобилось много времени, чтобы понять – этот мужчина не из тех придирчивых боссов, которые называют белое чёрным. Если не брать во внимание его серый костюм – он действительно был «строгий». Хотя намётанный глаз Эммы, оценив качество материала и покрой, отметил, что он стоит бешеных денег, ей ещё предстояло узнать, что доктор любит скромность и находит в ней изысканность, считая, что во всем должна быть умеренность: удобство, функциональность и изящество простоты.

«Помни о профессионализме, Эмма! – напомнила она себе. – Ты пришла сюда работать!» Она смело встретилась взглядом с Джозефом.

– Как вы понимаете, меня прислали из агентства. Позвонили и сказали, что это очень срочно. Надеюсь, я не опоздала, доктор Уилсон...

– Вы пришли вовремя, мисс Мур. Спасибо.

– В агентстве мне сообщили, что я пятый претендент на эту должность...

– Да, дело в том, мисс Мур, что за два года сотрудничества с агентством они прислали сюда четырёх ассистенток. Увы, никто из них, если не считать последнюю, Люси, здесь надолго не задержался...

– Знаете, сэр, я не хотела бы, чтобы вам пришлось нанимать шестую, – её брови взметнулись. – Поэтому твёрдо намерена убедить вас, что смогу быть ответственным ассистентом, во всяком случае, приложу для этого все усилия.

Если его и удивила её смелость, то он не подал виду. Его глаза продолжали внимательно на неё смотреть.

– В таком случае вам следует начать меня убеждать, – произнес он. – Не будем терять драгоценное время, – он перевёл взгляд на распечатанные на принтере бумаги. – Итак, в вашем резюме говорится, что вы изучали несколько иностранных языков. В частности, вы владеете испанским и французским...

– Французским – совсем немного, сэр. А на испанском языке я говорю почти как на английском. Моя бабушка по материнской линии иммигрировала в Штаты из Испании во время гражданской войны.

– И вы, как я вижу, имели многолетний опыт работы в нотариальном бюро, – он задумчиво перебирал документы, лежавшие перед ним.

– Да, это так, сэр.

Он опять взглянул на неё.

– У вас отменные отзывы. Очевидно, вы были ценным сотрудником в бюро, похоже, даже безупречным, не допуская ошибок...

– Ну что вы, сэр! Никому ещё не удавалось стать профессионалом, не совершив при этом массу ошибок.

Ее искренность подкупала.

– Так отчего же вы ушли?

– Там я достигла всего, чего хотела. И поняла, что мне нужен новый челлендж. Мне нравится бросать себе новые вызовы и проверять, на что я способна, – она улыбнулась искренне и непринуждённо. – И потом, сэр, перемены – это всегда залог успеха... ну, или почти всегда...

– Хорошо, мисс Мур. Мне нравится ваш энтузиазм. Какие ещё позиции вы рассматривали для себя?

– Лишь эту, доктор Уилсон. Она отвечает моим запросам.

– Но вы понимаете, мисс Мур, что эта работа подразумевает не только делопроизводство, но, в большей степени, умение и желание общаться с людьми? Вам придётся вести телефонные переговоры, принимать посетителей, выполнять мои поручения. Для этого требуется высокая организованность, самоконтроль, позитивное отношение к делу...

– Именно это стало одной из причин, почему я и направила резюме в агентство по набору персонала.

– Вы должны понимать, что будут переработки, за которые, конечно, полагаются доплаты...

– Доктор Уилсон, о вашей репутации ходят слухи. И мне известно, что вы достойно оплачиваете услуги своих помощников.

Ее взгляд остановился на циферблате его дорогих механических часов – римская нумерация не врёт! – их хозяин, несомненно, человек консервативный, пунктуальный и педантичный. А Джозеф достал из выдвижного ящика небольшой файл и протянул ей:

– Я бы попросил вас перевести это, мисс Мур...

Документ был на испанском языке. Эмма пробежалась по нему глазами, прежде чем перевести на английский. После чего он дал ей первое, что попало на глаза, – свежий номер *New York Times*, и попросил проделать обратное: перевести кусочек статьи на испанский. Когда она закончила, доктор откинулся в кресле. Его удивила на редкость правильная испанская речь – он ожидал, что подловит её на лжи, когда она заговорит на ломаном языке. Он надеялся, что вот-вот услышит ошибки, но она не произнесла ни одной. И ему стало стыдно перед самим собой за предвзятость и скептицизм.

Поймав на себе пронзительный взгляд, он поднял глаза и наткнулся на портрет профессора. Было видно, старине Фрейду не терпится что-то ему сообщить. Джозеф перевел внимание на Эмму: как же хорошо, что она не может слышать голос отца психоанализа! Краем глаза он подметил, как задвигались усы и борода великого учёного – профессор, в попытке привлечь к себе внимание, наморщил лоб и, страстно желая поделиться с ним своими наблюдениями о незнакомке, беззвучно зашевелил губами: «Эй, Уилсон, отложите-ка в сторону свои дела и послушайте мудрого наставника. Бьюсь об заклад, вы ей нравитесь! И не смотрите на меня так. Разве вам не приятно, что люди, особенно женщины, взирают на вас с обожанием? Вас это не заводит? Стыдиться здесь нечего. Кто этого не любит? Так уж мы, мужчины, устроены. Да

и она милостива, а выражение её лица чувственно и мечтательно, как у моей Марты. Вы смущены, Уилсон... Это хорошо. Однако нельзя забывать, что чем безупречнее человек снаружи, тем больше низших демонов у него внутри. Как любил поговаривать мой ученик Карл Юнг: «Красивая женщина – источник беспокойства. Она, как правило, ужасно разочаровывает, это как кусок пирога, который видишь, но не можешь съесть». Правда, здесь есть исключения. А потому – забудьте о демонах! Будь я не покрытым плесенью стариком, непременно бы приударил за этой фройляйн! Ничто человеческое мне не чуждо. К тому же, как понимаю, она женщина свободная. Вы ведь заметили её хорошие манеры, и то, что она напрочь лишена легкомыслия? Вам этого мало? Или вы будете дрожать от страха? Вам, дружище, не помешает рядом хорошая женщина, которая бы заботилась о вас и Оливии, радушно принимала гостей в вашем доме и согревала вас по ночам...»

– Хорошо, мисс Мур. Благодарю вас! – выпалил Джозеф, пропустив мимо ушей высказывания старика, чьи отношения с женским полом, насколько ему было известно, носили далеко не однозначный характер. У Джозефа имелось своё мнение на этот счёт. Сейчас интуиция говорила ему: Эмма способна выполнять эту работу, и их сотрудничество будет приятным.

Но существовала одна проблема, о которой Джозефу было трудно признаться даже самому себе. Дело в том, что Эмма понравилась ему как женщина. Он осознавал, что испытывает эмоции. Обычно такое с ним происходило, когда он смотрел на Вивиан. Он мог лишь предполагать, что ощущал сейчас именно эти эмоции, ведь за много лет ее отсутствия, он забыл, что это такое, а чувства, которые помнил, казались плодом его воображения. Но, как бы там ни было, он, сорока семилетний вдовец, чьи лучшие годы остались позади, не отказался бы выпить кофе с Эммой после приёмных часов. Но он терзался, понимая, что никогда не сможет этого сделать, если предоставит ей должность: он взял за правило отделять работу от личной жизни (которой, впрочем, после Вивиан у него и не было). А если он откажет Эмме в работе, ему придется искать нового ассистента. Только не это!

– Вы умеете набирать текст на компьютере, мисс Мур? – продолжил он, сделав глубокий вдох.

– Конечно, сэр.

– Быстро?

– О да, сэр.

– А что бы вы сказали, – полюбопытствовал он, – если бы я попросил приготовить мне кофе?

– Спросила бы, с молоком или без, сэр, – мягко ответила она.

– Ну, в таком случае я нанимаю вас, мисс Мур, – произнёс Джозеф с улыбкой. – Когда вы готовы приступить?

– Завтра с утра, сэр. Я могу прийти в восемь-ноль-ноль. Люблю рано вставать и первой приезжать на работу...

– Полагаю, восемь-ноль-ноль – это слишком рано. Приходите лучше к девяти. А пока возьмите, пожалуйста, подробную должностную инструкцию со стола Люси, точнее, теперь уже вашего стола.

– Я уже взяла, сэр... – произнесла она с обворожительной улыбкой, вдруг заигравшей на пухлых губах.

– Да, и вот что ещё, мисс Мур... зовите меня доктором, хм... не считите это за странность. До завтра!

– В таком случае, и я попросила бы вас звать меня Эммой. До завтра, доктор Уилсон. И позвольте поблагодарить, что доверили мне такую ответственную работу.

Переполненная радостью, она попрощалась с Джозефом, но на секунду задержала взгляд на дипломах в рамках на стене, поправила один из них, висящий немного неровно, а затем

направилась к выходу. Только тогда она припомнила, что в его почтительном голосе проскользнули едва заметные нотки сожаления. «Возможно, это просто усталость», – предположила она.

– Зонт! – услышал он командный голос и посмотрел на стену. – Безобразия, Уилсон! Почему вы не предложили зонт этой очаровательной даме? Где ваш большой чёрный зонт? Ваша рассеянность абсолютно непростительна! Сейчас хлынет проливной дождь.

– Прошу вас, доктор Фрейд, оставьте...

– Барометр опускается: я ощущаю покалывание в ногах, а это верный признак приближения непогоды...

Глава 2. Исповедь одиноких сердец

Утром следующего дня, явившись на работу, доктор Джозеф Уилсон был приятно удивлён. Все помещения его офиса: приёмная, кабинет, а также небольшая кухонька и туалетная комната были в таком состоянии, словно хорошая хозяйка только что закончила основательную уборку. В воздухе витал аромат дорогой деревянной мебели и офисной техники, всюду царил образцовый порядок. И даже три давно запущенных бонсаи, стоящих на полке у окна: снежная роза с хрупкими корнями, выступающими из земли, искривленная сосна, которой, как минимум, лет восемьдесят, и рощица из нескольких клёнов были пострижены умелой рукой, освобождены от ненужных отростков и заботливо политы. Теперь этот сказочный лес вновь потрясал изысканностью, а кусочек мха на стволике сосны вызывал у Уилсона то, что древние называли катарсисом.

«Похоже, что мисс Мур, то есть Эмма, одна из тех женщин, которые днюют и ночуют на работе», – с довольным видом рассуждал он. Всё, чего она хочет, – это показать, с каким усердием может работать и как готова ради этого пройти лишнюю милю. Ну что ж, похвально! Явилась в офис ни свет ни заря в свой первый рабочий день, и стала кружить по комнатам со шваброй, тряпкой и пылесосом, оставляя за собой шлейф восхитительных ароматов и кристальной чистоты. Он живо нарисовал в воображении, как она, увидев, что заблестело стекло в оконной раме, проворно соскакивает с подоконника и, отступив на пару шагов, любуется результатами своего труда.

Эмма с безукоризненно прямой спиной восседала за полукруглым столом и, слегка склонив голову, с энтузиазмом стучала по клавишам. На поверхности столешницы не было ничего лишнего, всё аскетично и строго: телефон, персональный компьютер, принтер со сканером, канцелярские принадлежности в простом держателе, стопка бумаг под руками, раскрытый на сегодняшней дате ежедневник, журнал для записи пациентов и свежая пресса. Сбоку, на самом краю стола, стоял металлический поднос с графином воды и отполированными до блеска стаканами. Джозеф никогда не видел их такими прозрачными, играющими всеми цветами радуги в утренних лучах солнца!

– А, Эмма! Хорошо, что вы уже здесь. Рад вас видеть, – сегодня его голос звучал бодрее, чем накануне.

– Доброе утро, доктор Уилсон, – улыбнувшись, ответила женщина, беря его кашемировое пальто и вешая на плечики.

Вчера он не успел разглядеть, что у неё такая тонкая талия... такая прямая спина... такие длинные ноги...

– Как насчет чашечки кофе, доктор Уилсон?

Джозеф едва заметно улыбнулся:

– С удовольствием выпил бы... Какое утро без чашечки кофе можно назвать добрым?

– С молоком или без, доктор? – произнесла она, повторив свой вчерашний вопрос, и вновь улыбнулась – лучезарно и немного загадочно.

– Без молока, если можно, Эмма. Только крепкий кофе.

– Сию секунду...

Несколько минут спустя аромат достиг его носа. Вскоре дверь в кабинет приоткрылась, вошла Эмма, слегка покачивая бедрами и неся в руках поднос с чашкой кофе и – о боже! – вазочкой, заполненной маленькими пышными круассанами. Они всегда напоминали ему о Париже, в котором он бывал, принимая участие в международном симпозиуме по психиатрии в качестве спикера. О, Париж, город-праздник, который никогда не кончается... Елисейские поля, кабаре Мулен Руж, Монмартр, Лувр, Эйфелева башня, Нотр-Дам де Пари... Кстати, откуда Эмме известно, что он обожает круассаны?

– О, Эмма, вы моя спасительница! – Джозеф одарил её благодарной улыбкой и откинулся на спинку кресла.

Отхлебнув глоток кофе, он окончательно убедился, что жизнь не так уж и плоха, а случившееся вчера теперь выглядело сущим пустяком. И внезапно поймал себя на том, что смотрит не на лицо Эммы, а куда-то пониже. «Интересно, как долго я смотрю туда, – заёрзав, подумал он. – Заметила ли она?» Он взял воображаемый пылесос и уничтожил им все крамольные мысли, сосредоточившись на глазах мисс Мур. И вдруг заметил, как она улыбнулась, увидев его растерянное лицо. «Ничто не укрывается от её взгляда! Каким бы великолепным диагностом могла она стать! Интересно, задумывалась ли она когда-нибудь о медицинской карьере? Могла бы стать моей ученицей?» Эта фантазия захватила его, но голос Эммы вернул его к реальности.

– Ваше расписание на сегодня, доктор Уилсон, – она протянула ему регистрационный журнал записи пациентов.

– О, благодарю вас, Эмма! – он отставил чашку и раскрыл журнал. – Вы можете идти.

Итак, сегодня у него пять, нет, шесть пациентов, решившихся обратиться к психотерапии, чтобы облегчить душевное бремя.

Первый – Мистер Тернер – придёт через полчаса. Типичная канцерофобия, или боязнь умереть от рака: «Доктор, что мне делать? У меня, кажется, плохие анализы. Нет, диагноз ещё не поставлен. Но уверен, что у меня что-то очень страшное и неизлечимое, рак уже запускает скользкие щупальца в каждую клеточку моего тела. Вы ведь давно всё знаете, да? И пытаетесь утаить от меня правду. Я это вижу по вашим глазам».

Второй пациент – миссис Смит – недомогает от регулярных приступов депрессии, безразличия ко всему и ощущения, что ничто не имеет значения: «Доктор, я так счастлива, что мы возобновили сеансы. Кроме вас мне не с кем поговорить. Дочь переехала в Оклахому и забыла мать. Сын меня тоже не вспоминает, хотя и живёт в Бруклине. Появляется только на Рождество, как будто не существует других дней для визитов. Вот почему, доктор, когда прихожу сюда и говорю с вами, я чувствую себя живым человеком. Вы ведь не оставите меня? Нет?»

Затем его посетит мистер Эванс – вспышки невыносимой головной боли: «Позвольте выразить вам свою благодарность, доктор. Я счастлив, невероятно счастлив! Вы же помните, я рассказывал, что в моей жизни было больше сложного, чем приятного: ненужные споры, раздражение. А теперь я вновь обрёл радость жизни. Всё это благодаря вам! Вы ведь видите, что мне лучше? Замечаете прогресс? У меня уже не тот печальный вид, что был вначале. И потом, теперь я забочусь о себе. Стал интересоваться собой. Совершаю прогулки по парку, слушаю скрип деревьев и понимаю, что так они разговаривают друг с другом. О чём? Ну, этого я не знаю. Возможно, обо мне... Почему вы смотрите так недоверчиво? Думаете, я сошёл с ума, считая, что деревья научились говорить? А если это проделки дьявола? Знаете, доктор Уилсон, мой отец – священник пресвитерианской миссии – всегда говорил, что если веришь в бога, стоит поверить и в дьявола...»

Следующей, кто придёт на сеанс, будет мисс Линда Миллер. Темпераментная стареющая кокетка с крашенными волосами, она считала Джозефа лучшим другом, и в течение часа, пока длился сеанс, пересказывала ему свою биографию, в которой промелькнуло слишком много персонажей мужского пола. Но самым запоминающимся был Анджело Эспозито. Ей достаточно было лишь взглянуть на него, безукоризненно элегантного, крепко сложенного красавца с копной роскошных волос и обаянием Марчелло Мастоаянни, чтобы понять – он не американец. Его манера держаться отличалась излишней эмоциональностью, а породистое аристократическое лицо напоминало прекрасных богов Древнего Рима. Они познакомились совершенно случайно: просто столкнулись на Пятой авеню – её дряхлый Bentley и его великолепный Jaguar Mark II («Всегда мечтала о такой машине!»). За полминуты до аварии она опустила солнцезащитный козырек с зеркалом, чтобы подкрасить губы и припудрить лицо. Тем зимним утром

на ней было кремовое пальто с зелёными льняными отворотами и шляпка с зелёной вуалью и птицей. Ещё она захватила белую муфточку из песка, но всё равно дрожала от холода, выйдя из автомобиля. Анджело заметил это и сказал: «*Vuon giorno, милашка! Come sta?*». Что значит: «Как делишки?». Пресвятая дева, это был голос настоящего мачо: властный итальянский акцент, от которого её тут же бросило в жар. За таким голосом она готова была следовать хоть на край света! «Вот что, – деловито произнёс он, – эту вашу тарыхтелку мы воскресим за пару дней. А чтобы возместить моральный ущерб, я куплю вам шубку. Вы ведь не откажетесь от хорошей шубки? Только сначала назовите своё имя. *Come ti chiami?*»

Лицо у него было смуглое, открытое, и в выражении таилось нечто покровительственное, что ей пришлось по душе. Да, похоже, Анджело не составляло никакого труда завладеть безраздельным вниманием кого бы то ни было. Он приковывал к себе взгляды окружающих отчасти благодаря одежде, которая сидела на нем идеально. Его фигура, стройная и мускулистая, источала силу и чувственность, однако он выглядел неприрученным и немного опасным.

А Линда, не будь дурой, заставила его сдержать обещание, выбрав себе из журнала «*Vogue*» именно такую шубу, о какой мечтала: эффектную, из шкурки баргузинского соболя с насыщенно-тёмными ворсинками, изысканность которым придавал лёгкий оттенок седины со слегка голубоватым лунным отливом. Люди на такое оглядываются, а ей именно это и нужно было. Ей нравилось, когда на неё обращали внимание и удивлялись, как она осмеливается носить такие дорогие и вызывающие наряды.

Между молодыми людьми завязались сумасшедшие отношения, как в голливудских фильмах. Влюблённые появлялись на театральных премьерах, биеннале и светских раутах, где, как полагается, официанты разносили узкие бокалы с искрящимся шампанским. Её горящий взгляд всюду следовал за Анджело. При любой возможности она дотрагивалась до него, тёрлась плечом, стискивала руку и явно гордилась, что такой красивый и brutальный мужчина принадлежит одной ей.

Но ресторанам и приёмам для сливок общества, где подбиралась особая компания, они предпочитали оставаться наедине в уютной квартирке на Мэдисон Авеню, чтобы провести там незабываемые выходные, посвятив себя плотским утехам. «О Господи! – восклицала Линда. – Как же сильно я была влюблена в него. Глупая юность! В ней столько блаженного неведения.»

Тогда она пребывала в уверенности, что ей удалось приручить страстного итальянца, ведь в постели он был нежен, как котёнок. Однако она наемкнула доктору Уилсону, что Анджело не отличался выносливостью, хотя и умел искусно компенсировать этот изъян тем, что много трепал языком! Правда, сейчас из всего потока его слов, жестов и эмоций она отчётливо помнила лишь: «*Madonna Santa!!! Я, кажется, влюбился. Bambina Regina! Mamma mia!*»

Да, работа у него тоже была, рассказывала Линда. Но Анджело о ней говорил мало. «Итальянцы живут не для того, чтобы работать», – уверял он. Говорят, что из них получаются лучшие в мире отцы. Но ей не довелось проверить это на деле.

Он пылинки с неё сдувал и купал в роскоши, но порой они кричали, били посуду, ругались, даже дрались и расставались со скандалами. Однако их войны заканчивались миром и они снова возвращались друг к другу. В таких случаях Анджело в знак примирения трогательно просил у неё прощения: в его голосе она слышала искреннее раскаяние. И, встав на колени, целовал ей руки. Он дарил ей роскошные корзины цветов вместе с другими чудесными подарками. Одним из последних было кольцо с изумрудом в золотой оправе в форме короны, украшенной бриллиантами. По его словам, за этот «символ вечной любви и верности», купленный в ювелирном магазине на 47-й улице, что рядом с Рокфеллер Центром, он заплатил целое состояние. «Но эта бестия всегда любил преувеличивать, – вспоминала Линда, закатывая глаза, – хотя нельзя не отметить, что со мной он всегда был очень терпелив.»

Анджело Эспозито исчез из её жизни так же неожиданно, как и появился. Тем злосчастным утром он принял душ, побрился, надел костюм и галстук, как делал всегда. Выпил крепкий

кофе, сидя за кухонным столом и слушая её болтовню, пока они завтракали, а перед тем, как выйти за порог, удивил тем, что, обхватив её лицо ладонями, наклонился и поцеловал в лоб. Это было так непривычно, он обыкновенно целовал её в губы или в шею. Но в тот день его горячие губы коснулись её лба. В тот момент она ощутила его искреннюю заботу о ней, словно он хотел дать знак, что она находится под его защитой и много значит для него. И испытала странное волнение и желание заплакать.

Тогда же, после завтрака, они и расстались. Он сказал, что ему надо срочно уехать из Нью-Йорка на неопределенный срок. Она не возражала – всё равно это бы ни к чему не привело. Но постоянно беспокоилась, что в один день случится нечто ужасное, поскольку уже месяц как стала догадываться о каких-то его сомнительных делишках. К тому же, однажды он проговорился, что врагов у него больше, чем друзей, потому что многие неудачники ему завидуют. Но он, мол, всегда действует в соответствии со своими принципами и обязательно доводит до конца дело, за которое взялся.

К огромному несчастью для неё, всё так и случилось: на следующий день в теленовостях сообщили, что Анджело Эспозито был застрелен на правом берегу Гудзона. «Полиция считала, что он стал жертвой криминальной разборки. Хотя кто знает, что там случилось на самом деле? У копов богатая фантазия! – усмехнулась она прискорбно. – Вечно выдают желаемое за действительное. Помню, как федералы допрашивали меня. Я рассказала им всё, что знала. «Получается, мисс Миллер, вы жили с человеком, о котором ровным счётом ничего не знали? – циничным тоном спросил один из фэбээровцев. «Я знала то, что мне нужно знать!» – резко ответила я, желая прекратить этот разговор. Я любила его, и это было главным. Всё остальное меня не касалось...»

Да, Анджело был, пожалуй, единственным, к кому Линда испытывала такие сильные чувства – не легкомысленную влюбленность, а нечто более глубокое. Все прошлые и будущие отношения казались ей пустыми и бессмысленными: ни за одного из «женихов» она так и не вышла замуж, а может, никогда и не собиралась этого делать.

«Все они были моими любовниками, доктор, – поясняла Линда, пожимая плечами, – но вела я себя крайне благоразумно и далеко не каждого ухажёра оставляла на ночь. К чему лишние пересуды?»

«Нет, детей у меня никогда не было, хотя любви в моей жизни было предостаточно. Я просто не беременела. Не знаю, почему... – говорила она, разводя руками. – То, что свершается внутри женщины – тайна, и вряд ли кто-то разгадает её».

В эти дни Линда пребывала то в унынии, то в экзальтации. Впрочем, её первое состояние нравилось Джозефу больше, ведь в восторженном состоянии она всячески пытается обольстить его, заглядывая в глаза и задерживая обожающий взгляд на нем, чем приводила его в замешательство. «Доктор Уилсон, почему вы так боитесь меня? Неужели это всё из-за идиотского этического кодекса, что висит в рамочке на стене приёмной? Там написано, что психолог не имеет права заводить отношения с клиентом вне кабинета – рабочие, дружеские, романтические... Кто сочинил подобную чушь?»

Тем не менее её стремление к физическому контакту оставалось непобедимым. Можно ли ей подвинуть кресло поближе к столу? Почему бы «милому» доктору Уилсону несколько минут не подержать её за руку? Не будет ли он возражать, если они пересядут на кушетку? Не мог бы он обнять её? Она была настойчива в своих желаниях, ощущая особенно в последние годы, как уныло отцвела её жизнь, отчего ей безумно хотелось привнести в неё что-нибудь яркое, чтобы годы не казались прожитыми зря. Тем более что не осталось никого, кто смог бы доказать обратное.

«Я прошу прощения за своё поведение в прошлый раз, доктор Уилсон. Видимо, я перешагнула черту. Конечно, я согласна сохранить формальные отношения между врачом и пациенткой. И надеюсь, мы с вами останемся друзьями. Правда, у меня множество недостатков:

я импульсивна, я вас шокирую, мне чужды условности. Но у меня есть и сильные стороны: я обладаю безошибочным чутьём на людей с благородством духа. И когда мне доводится встретить такого человека, я стараюсь не потерять его.

Как я себя чувствую? Меня больше волнует, как я сегодня выгляжу. О, благодарю вас, доктор. Вы истинный джентльмен. Как я провела праздники? Не спрашивайте! Майк бросил меня, сбежал к юной потаскушке, оставив коротенькую записку. Знаете, что в ней было? Еле разобрала его детские каракули: «Прости меня, Линда, но я не готов к моногамии. Можешь с этой минуты возненавидеть меня за правду». F*ck! Да большинство самцов не готово к моногамии! Знаю, что говорю, прожила не один десяток лет. Простите, я не имела в виду вас. Но скажите, доктор, что этот безмозглый кобель нашёл в ней? Хотя... не отвечайте, не надо... я и сама понимаю – молодость. Когда Майк с кислой миной принимал от меня подарки и всё время смотрел по сторонам, я ещё надеялась, что он такой, как все. Что будет верен мне, не предаст, не бросит, не искромсает душу в клочья... Мне следовало избавиться от ложных надежд, понять, что рано или поздно наступает время, когда женщина теряет своё обаяние и, как говорится, форму. Она уже не может похвастать своей красотой, но все ещё думает о мужчинах; только теперь ей приходится платить, понимаете? Она идёт на бесчисленные мелкие уступки, чтобы спастись от жуткого одиночества. Такая особа несчастна и смешна, требовательна и сентиментальна...

Но что мне, ровеснице шерстистых мамонтов, остаётся делать со своей древностью? Упс... молчу, молчу... как говорится, годы, мужчины и бокалы вина – это то, чему женщине не следует вести счёт. Хотя... чего там скрывать – я никогда не была пуританкой. А время здорово надрало мне задницу, отомстив, что не умела ценить его. И вот где я теперь оказалась: сижу в кабинете психоаналитика, истратив большую часть своих сбережений на жалких альфонсов. И лечение. Перепробовав, наверное, всё, за исключением крови младенцев: стволовые клетки, гиалуроновую кислоту, ботекс. Без толку! Мои морщины не собираются убираться, они на том же месте и, мне кажется, даже углубились! Но я не хочу превращаться в старуху. О, нет, прошу вас, не нужно сомнительных комплиментов: они мало что дают в решении проблем. С годами черствеешь, и многое уже не имеет значения, в том числе – вежливые комплименты.

Вы знаете, доктор, что такое жизнь? В чём её смысл? Зато я знаю – никакого смысла нет! Всё пшик и суета! (Тут Уилсон вспомнил излюбленное изречение старика Фрейда, гласившее: «Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или её ценностью – это может означать лишь то, что он болен»). Наше существование – полная чушь, бессмысленная трата времени, да и вообще – трагедия, исход которой предрешён. Сначала нас впускают в этот мир, мы взрослеем и встречаем друг друга, знакомимся и некоторое время идем по жизни вместе. Затем мы расстаёмся и исчезаем так же неожиданно, как появились. Вот он – печальный цикл: рождение, мучение, страдание, мышьяная возня и, наконец, смерть. Ничего с этим не поделаешь, мой друг. И если я на самом деле отжила своё, то так тому и быть. Конец не пугает меня. Но ведь вы, дорогой Джозеф, не дадите мне уйти на тот свет во грехе? Я буду страшно огорчена, если вы мне откажете... Ах, да, я и забыла – дырявая голова, – что вы не священник, чтобы отпустить грехи. Очень жаль! Верю ли я в Господа? Говоря начистоту, не очень. Но я боюсь его!»

В 15:00 на приём к Джозефу записана мисс Харрис, бедняжка страдает из-за лишнего веса. Затем он примет мистера и миссис Тайлер, супружескую пару, стоящую на грани развода. И, наконец, в 17:00 его впервые посетит некий мистер Вуд. Причина обращения неизвестна. Пока.

Его пациенты, женщины и мужчины, с виду не отчаявшиеся и несчастные, а уверенные в себе, дорого одетые люди. Но их разум – подчинён навязчивой мысли или желанию. Большинство из них хочет одного – вернуть кусочек старого доброго прошлого, даже если оно уже протухло. Снова жаждет пережить любовную тоску, готово наступать на одни и те же грабли и бросаться с головой в омут. Другие пытаются избежать различных проблем: одиночества,

презрения к себе, головных болей, импотенции, сексуальных отклонений, избыточного веса или анорексии, перенапряжения, горя, колебаний настроения, раздражительности и депрессии. Этим заблудившимся людям нужен хороший психотерапевт, чтобы выбраться за пределы собственной головы и взглянуть со стороны на клубящиеся там мысли. И смиренно открывшись Уилсону, они посвящают его в свои скорби, тянут одну заунывную песню: «Хочу ещё раз увидеть её», «Хочу, чтобы он вернулся – я так одинока!», «Хочу, чтобы она знала, как я люблю её и как раскаиваюсь, что никогда не говорил ей об этом», «Хочу иметь детство, которого у меня никогда не было», «Хочу снова стать молодой и красивой», «Хочу, чтобы меня любили и уважали. Хочу, чтобы моя жизнь имела смысл. Хочу чего-то добиться, стать знаменитым, чтобы обо мне помнили»...

Так много желаний! Боли! Тоски!

Во время сеанса терапии некоторые, особенно новички, конфузятся, рассказывая о своих проблемах, другие же, наоборот, впадают в неуместное красноречие и говорят много такого, что вообще не относится к делу, отчего порой его кабинет содрогается от эмоций, а старик Фрейд раздражённо отворачивается, сердито затыкая уши пальцами. А Джозефу приходится с этим жить, проявляя терпение и выслушивая самые сокровенные желания своих пациентов, хотя большинство из них никогда не исполнится: невозможно вновь стать молодым, остановить старость, вернуть ушедших; наивны мечты о вечной любви, непреходящей славе, о самом бессмертии. И нельзя избежать боли, потому что боль есть часть жизни. Но постойте! Не всё так трагично. Ведь многие – не без его помощи – смогут научиться жить в этом состоянии, быть счастливыми по-своему. Это случится тогда, когда умолкнут голоса в их сознании, твердившие им как мантру: ты лузер, ты всех разочаровал, ты негодяй и урод...

Он много работал. И когда вследствие долгих часов напряжения на него наваливалась смертельная усталость и мысли начинали путаться, насакивать одна на другую, не позволяя ему сосредоточиться, он неизменно слышал скрипучий голос Зигмунда:

– Расслабьтесь, коллега. Вы пашете как лошадь, гробя своё драгоценное здоровье. Этак вы и до Рождества не дотянете. Знал я одного такого «пахаря». Упрямый был малый, никого не слушал. Тоже работал на износ, и в один день – пфф!!! Сломал себе хребет. Не успел насладиться плодами своих дел... А ведь запросто мог бы, если бы умел остановиться... И потом, как вам удаётся терпеть, когда вас обстоятельно рассматривают по восемь часов в день? Никогда не мог выносить подобной пытки! И нашёл от неё верное средство. Да, вы совершенно правы. Я о кушетке! Достаточно длинной, чтобы вытянуть ноги, но и достаточно твёрдой, чтобы пациент не уснул. Устраиваешься за его головой: пусть человек расслабится, пусть ничто его не отвлекает. И пусть себе болтает, что хочет, не нужно его ни о чём расспрашивать. Вот он, мой метод свободных ассоциаций, обнажающий подсознание и помогающий обнаруживать глубинные корни человеческих проблем... Читали эту статью? Нет? «Журнал психиатрии». Я бы незамедлительно прислал вам копию при других обстоятельствах...

Хорошо ему умничать со стены!

Сегодняшний день доктора Уилсона протекал монотонно. Приходил мистер Тернер и всё жаловался, что день за днём люди его разочаровывают. Потом явилась миссис Смит и с тусклым выражением лица изложила полдюжины новых причин для очередного уныния. Непрерывные головные боли мистера Эванса стали носить периодический характер, но он продолжал хандрить, несмотря на все старания Уилсона, который переживал, что его терапия не оказывает должного эффекта. А Майк – последняя любовь мисс Миллер – кто бы мог подумать? – теперь постоянно следует за ней, начиная досажать назойливостью.

Ровно в 15:00 в кабинет, переваливаясь, вошла мисс Берта Харрис в мешковатом платье аляповатой расцветки. До чего же Джозефу были неприятны тучные люди! Её бесформенное тело – грудь, колени, зад, плечи, щеки, подбородок – всё, что должно нравиться в женщинах, было превращено в гору мяса и отталкивало. Он с ужасом представил, как дрожат её щеки

и многочисленные подбородки, когда она жадно ест прямо из кастрюли, оставшись одна, как облизывает жирные пальцы, вытирая их о халат. И его передёрнуло. Он подумал, что если в эту минуту ей вдруг захочется извлечь из своей увесистой сумки что-то съестное, например, Биг Мак с двумя рублеными бифштексами из говядины, то ничто не поможет ему удержаться в границах ангельского терпения. Он атакует её и заорёт: «Прекратите набивать себе брюхо! Разве вам уже не достаточно?»

Слава богу, что Берта не догадывалась о его шальных мыслях. Она медленно втиснула своё туловище между поручнями кресла и села так, что её ноги не доставали до пола, в ожидании глядя на доктора.

– Ну, мисс Харрис, как дела? – спросил он. – Что интересного произошло в вашей жизни за последние три дня?

– Интересного? – удивилась она и пожала плечами. – О чём вам рассказать, доктор Уилсон? Как я ем по ночам?

«Какого чёрта, – подумал он, – у неё болтаются ноги? Может, задница у неё такая толстая, что мешает достать до земли?»

«Немедленно прекрати это, Джо! – приказал он себе и вздрогнул. Ему показалось, что Берта расслышала его внутренний голос. – Куда подевалась твоя профессиональная этика? Вместо того чтобы проявить эмпатию, поддержать, ты навешиваешь на Берту ярлыки. Но они никак не помогут тебе справиться с её проблемой».

Уилсон взглянул на мир глазами Берты Харрис. Ей тридцать восемь и она никогда не была замужем. Что ж, это не смертельно. Тянет ляжку в центральном почтовом офисе Нью-Йорка. Она всегда страдала от излишнего веса, начав полнеть с конца подросткового периода. Сейчас её вес достигал двухсот шестидесяти фунтов. Не имея друзей, личной жизни, она работала по шестьдесят пять часов в неделю. И, возвращаясь затемно в пустую квартирку, где жила вместе с раскормленной пятнистой кошкой по имени Эльза, единственное, что делала, так это наедалась и засыпала во время полуночных новостей.

– Я предлагал завести собаку, мисс Харрис, если вы хотите общительного питомца.

– С собакой нужно гулять, доктор Уилсон, – размышляла она вслух, оглянувшись вокруг, и он обратил внимание, что её слова прозвучали уныло и раздосадованно. – А на прогулки у меня нет сил. И прошу вас, не пытайтесь уговорить меня делать то, что я абсолютно не хочу делать...

– Мне очень жаль, мисс Харрис. В таком случае вам нужно чем-то отвлечь себя, занять свои руки. Вы могли бы, например, записаться на курс вязания спицами. Вот увидите, вам понравится.

– Я уже закончила этот курс. Примерно четыре года назад. Вы не верите мне?

– Хорошо. Тогда запишитесь на продвинутый курс вязания.

– Но зачем мне тупое вязание? Во мне столько дерьма, смешанного с жиром: его я вынуждена носить с собой, куда бы ни пошла. А вы говорите, вязание...

Она никогда не имела физических контактов с мужчинами – ни объятий, ни поцелуев, ни даже фривольных похлопываний: мир холостяков жесток и двери его наглухо закрыты для тучных людей. В этом она убедилась на собственном опыте, заведя страничку на сайтах знакомств, где в качестве фотографии профиля поместила крупным планом свой бюст. Она считала этот снимок удачным.

Пребывая в уверенности, что ей повезет, Берта Харрис внимательно пересмотрела сотни вариантов, заводя откровенные разговоры с незнакомыми людьми и успев получить не одно грязное предложение о том, что неплохо было бы «сделать это по-быстрому».

В интернете она наткнулась на множество ублюдков, врунов, извращенцев, любителей самоутвердиться и даже одного маньяка, выглядевшего как Эштон Кутчер в молодости на фоне дорогого автомобиля и королевских пальм. Он сказал, что она «очень даже ничего»,

и назвал «горячей штучкой». А она наградила его всеми возможными эпитетами, которые только могла придумать, а потом отправила его в мусорную корзину.

Наконец, спустя какое-то время, у неё появилась надежда. Между ней и одиноким мужчиной по имени Роберт завязалась откровенная переписка, длившаяся не меньше месяца. Всё началось с того, что она послала ему сообщение: «Ну и что тут делают два нормальных человека?», – в ответ на которое спустя час прочитала: «Испытывают судьбу». Это показалось ей очень остроумным, принимая во внимание, что люди не в силах на судьбу повлиять. Когда дело дошло до первого свидания, они договорились пообедать вместе, и он попросил её приколоть к волосам красный бант и ждать его в снэк-баре. Его лицо перекошилось при первом же взгляде на неё, но, нужно отдать ему должное, он приветливо помахал рукой, а за обедом вёл себя как истинный джентльмен, галантный и деликатный. Хотя Берта больше никогда не слышала о Роберте, она часто о нём думала под саундтрек из «Титаника». («Я думаю, доктор, что для серьёзных отношений необходимо как минимум появиться на втором свидании, разве не так?») Было несколько случаев, когда она так и не дождалась своих партнеров на свидании: вероятно, они рассматривали её издалека и смывались...

Правда, однажды ей посчастливилось пообщаться на Тиндере с мужчиной в летах, таким же толстотелым, как она (как же его звали?), но тот сразу её предупредил, что встречи для него возможны только до шести часов вечера в будние дни, так как в другое время он – муж другой женщины, которая любит его вот уже тридцать лет... Домой она возвращалась, не оборачиваясь, горя от возмущения, а на глазах, точно звезды в ночи, сияли слезинки.

Берта в течение года посещала доктора Рассела, который лечил её антидепрессантами. От них было мало проку; она оставалась глубоко подавленной, каждый вечер билась в истерике, хотела умереть, спала плохо и всегда просыпалась в половине пятого утра с повышенным давлением и ужасной мигренью, тисками сжимавшей левое полушарие. Не находя себе занятия, она слонялась по дому, а по воскресеньям, в свой выходной, не одевалась и весь день проводила у телевизора за любимыми кулинарными шоу типа «Быстрая еда от Съюзи Кей», уплетая пищу и оставляя следы томатного соуса на ночной рубашке.

– Сколько вы съели? – спросил её Джозеф.

– Много. Впрочем, как обычно, – она пожалала плечами. – Не судите меня строго, доктор Уилсон. Я не смогла удержаться. А кстати, вы знали, что пицца гораздо вкуснее, когда она холодная?

– Нет, не знал, мисс Харрис.

– Нет? Как жаль! – на её лице застыло инфантильное, неподдельное удивление. – Почему?

– Я не люблю пиццу.

– О боже! Как скучно! Вы шутите, да? – отреагировала она, обиженно надув губы. – А как насчёт итальянской пасты? Обожаю спагетти с беконом и сыром, вернее, с четырьмя сортами сыра и сливочным маслом. И сладости: конфеты, шоколадно-мятное мороженое и выпечку – любую, даже недорогую. Всегда покупаю её впрок.

Он покосился на неё, признавая, что этот случай оказался сложнее, чем поначалу представлялось:

– Но вам известно, что такая еда приводит к закупорке сосудов холестериновыми бляшками и провоцирует болезни сердца. Разве не так, мисс Харрис? Вам следует поработать над собой: найти поваренную книгу, в которой есть рецепты низкокалорийных блюд... И не забывать о соблюдении порций.

– Когда у меня такая жуткая депрессия, – вздохнув, пояснила она, пытаясь найти оправдание своему поведению и с отвращением скривив губы, отчего уголки её рта поползли вниз и выражение лица стало таким презрительным, что Джозефу показалось, она выругалась. – Вкусная еда и вино – это единственное, что более или менее поддерживает меня и не даёт пасть духом. Как говорила моя покойная матушка: «Попробуй утешиться вкусеньким, Берта. Ешь

и почувствуй сладость жизни, пусть она перебьёт её горечь. Ты слишком хороша для большинства мужчин, но истинная любовь когда-нибудь обязательно найдет тебя, это я знаю точно!»

Берта сглотнула, но не от безысходности, а потому, что у неё в ту секунду началось усиленное слюноотделение.

– Мужчинам повезло, – говорила она, – они спокойно носят на себе любое количество фунтов, и ничего! Их за это никто не осуждает. Наоборот, считают крепкими, брутальными...

К Джозефу она впервые пришла чуть больше месяца назад, когда перепробовала все мыслимые модные диеты, гарантирующие похудение на десять фунтов за две недели, и членство в клубах анонимных обжор, но по-прежнему не влезала в большинство своих платьев. Она пришла с твёрдой уверенностью, что хваленый доктор, прочитав терзающие её душу мысли, спасёт её. Святая простота! Откуда ей было знать, что отличие психологии от медицины в том, что здесь никого нельзя спасти, за мгновение поставив точный диагноз и подобрав удачное лекарство. Психология как наука находится на той стадии развития, когда никто ничего не знает точно: что движет личностью, что нарушает её развитие и как это исправить – ответы на эти вопросы имеют статус гипотез и теорий, которые ещё не раз будут уточнены или опровергнуты. Увы, именно так.

Но что же ему делать с Бертой? С самой первой встречи он понял, что ему придется приложить невероятные усилия, чтобы начать с ней работать. Проблема заключалась в том, что он не мог заставить себя смотреть ей в лицо, настолько оно заплыло жиром. Ему были неприятны её глупое хихиканье, в которое она всеми силами пыталась вовлечь и его, и неуместные комментарии в его адрес. Он втайне надеялся, что её недостатки будут компенсированы её личностными особенностями – жизнерадостностью или острым умом, которые он находил в других полных женщинах. Но нет, чем лучше он узнавал её, тем более скучной и примитивной она казалась. Он смотрел на часы каждые пять минут, мечтая лишь об одном: побыстрее завершить сеанс с самой утомительной пациенткой, какую он когда-либо встречал в своей практике...

– Н-да, коллега, – раздался встревоженный голос из портрета. – Дело дрянь! Эта ваша Берта Харрис – случай совершенно запущенный, вызывающий у меня неуверенность. Что движет ее аномальным влечением к еде? Дело в том, Уилсон, что в основе любого мотива лежат главным образом подавленные сексуальные желания. Нетрудно догадаться, почему доктор Рассел назначил ей медикаменты. Он глуп и некомпетентен! Но с моей помощью вы добьётесь успеха! Правда, эту тучную фрау – ваш неподъёмный крест – вам придётся тащить на плечах не менее полугода... Кстати, она случайно не расплющила ваше кресло? Я слышал отчётливый хруст. Вы проверяли? Мне послышалось или вы что-то сказали? Нет? Ну ладно, как хотите. Однако поспешу заверить, что не брошу вас на полпути к Голгофе, ведь супервизорскую помощь ещё никто не отменял: она чрезвычайно полезна, чтобы избежать субъективности и добиться качественных изменений. Так вот, будь я на вашем месте, мой подход состоял бы в устранении проблемы посредством гипноза. Наша цель – помочь ей вспомнить забытую психическую травму, вызвавшую появление признаков заболевания. Если удастся обнаружить первоначальный источник – возможно, он таится в её детстве – они исчезнут... И позвольте спросить, Уилсон, какого чёрта вы, исследователь фантазий, страхов и снов, пренебрегаете кушеткой? Вам необходимо вызвать у пациентки релаксацию, а она лучше всего достигается в лежачей позиции. Не упрямитесь, предложите вашей пациентке соблюсти традиции... Ведь она явно что-то скрывает. Но нам с вами ясно, что ни один смертный не способен хранить секреты. Пусть она молчит, но ее нервно пляшущие пальцы красноречивее слов: тайну предательски выдаст её тело... Вы ведь слышали, как она говорила о своей матери? И ничего об отце! Поэтому не следует исключать возможность эдипова комплекса...

– Вам известно, профессор, я предпочитаю работать vis-à-vis, пациенты всегда садятся напротив... Мне важно видеть их глаза...

– Что ни говорите, но кушетку, изготовленную по всем правилам, вы всё-таки поставили. И хорошо сделали! Должна же хоть чем-то эта благочестивая келья напоминать кабинет психоаналитика.

Через несколько минут после ухода Берты пришли супруги Тайлеры, находящиеся на грани развода. Крис и Фрида. Ему сорок семь, он служащий «Бэнк оф Америка», ей – сорок шесть, домохозяйка. Впервые они оказались у доктора Уилсона около двух месяцев назад по совету ближайшей подруги Фриды – Джуди. Несмотря на жалобы, что Джуди мешает им поскорее прекратить этот балаган, разойтись и навсегда забыть друг о друге, начав новую жизнь, та продолжала настаивать, что супругам не стоит спешить, и до того как они приступят к юридическим формальностям, «было бы замечательно хотя бы раз сходить к знаменитому доктору».

Джозеф хорошо помнил, как ему позвонила Джуди, спросив, найдётся ли у него время для семейной пары. Он ответил, что занимается психоанализом, а не вопросами семьи и брака. Голос звонившей, как он понял, принадлежал особе крайне настойчивой. Такие, если попали на нужный след, никогда так просто не отказываются от преследования. И он решил согласиться, но уточнил, чего именно ждет та семейная пара? Хотят ли они сохранить свой брак? Или мирно, без драк и скандалов, разойтись? Потому что в обоих случаях супругам может потребоваться помощь специалиста.

«Нет-нет, доктор, – тараторила женщина на том конце провода, – ваша задача – починить брак, привести их отношения в рабочее состояние, скажем так, вернуть к полноценной жизни. Вы ведь поможете, да?»

«Интересно, кто ей сказал, что любые отношения можно и нужно спасти», – пронеслось в голове у Джозефа в тот момент. К тому же, многие супруги обращаются за помощью слишком поздно – хотят прибегнуть к терапии тогда, когда отношения уже изжили себя, чувства испарились, и остался лишь долг. Но долг не может сделать людей счастливыми, скорее наоборот.

Познакомившись с супругами лично, Уилсон понял, что оба давно созрели для разрыва, уверенные, что не оправдали надежд друг друга, и их отношения не просто зашли в тупик – они достигли такого дна, что никакая, даже самая искусная терапия их уже не восстановит.

Фрида дружила с Джуди ещё со школьной скамьи, а потом та стала главной подружкой невесты на их пышной свадьбе с Крисом. И вот теперь, видя, как на её глазах распадается пара, которая когда-то давала клятву перед богом и людьми «любить и почитать друг друга в горе и в радости, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит их», заботливая Джуди стремилась любой ценой помешать этому, будто от этого могла пострадать её репутация. Она никогда не тратила времени зря, была человеком действия, и надеялась, что благодаря психотерапии дорогие ей люди сумеют исправить все ошибки прошлого, забыть вред, который причинили друг другу, и вновь сплестись в жарких объятиях. В этой ситуации Джуди превзошла саму себя в упорстве: она была так воинственно настроена, что Фрида и Крис, сердито переглянувшись, поняли, что придётся отступить – эту битву им точно не выиграть. Они решили сходить на «ни к чему их не обязывающую психологическую консультацию» хотя бы ради уважения к Джуди.

Чаще они приходили к Джозефу по одиночке, изливая душу и жалуясь на судьбу. Но, бывало, он приглашал на сеанс обоих. В таких случаях он заранее ставил рядом два кресла и наблюдал, не захочет ли кто-то из супругов отодвинуть свое. Так чаще всего и случалось, причём это мог сделать как Крис, так и Фрида.

Так что же произошло между супругами?

Ничего нового – классическая драма.

Фрида сетовала на нехватку нежности со стороны мужа, жаловалась, что тот уже много лет не дарит ей цветов, не целует и не держит за руку, как это было в начале их отношений. Из-за этого в ней умерли все желания. А вначале всё было хорошо. Но медовый месяц не мог длиться вечно. Сразу после того, как они вернулись из свадебного путешествия, «муж сосре-

доточил всё внимание на своей единственной любви – треклятой работе, которая волновала его и толкала двигаться дальше!»

Во время таких признаний Крис обычно отмалчивался, сжавшись и выслушивая упрёки, которые, вероятно, ежедневно слышал в свой адрес. Он вздрагивал, как от удара током: ведь никто и никогда не говорил с ним так открыто и дерзко, как это позволяла себе Фрида. А потом огрызался, крича, что не может заставить себя быть нежным, когда вместо спокойного и сытного ужина он должен справляться с постоянными придирками деспотичной жены. «Она всегда разговаривает со мной с металлом в голосе. Я законченный идиот, что терплю всё это! У меня одна жизнь, а не три!» – выпаливал он.

На сей раз на Фриде был искусно сшитый костюм, скрывающий пышные формы его владелицы, у которой, по её собственному признанию, «во время третьей беременности чудовищно распухли ноги и руки, и пришлось всё время лежать в постели», а потом её «страшно разнесло после рождения ребёнка и кормления грудью». Лазурного цвета хлопковую блузку сшили, чтобы создать иллюзию стройной фигуры, а пояс тёмных брюк визуально сужал талию. Как всегда, Фрида была грустной и не уставала повторять, что долгие годы нуждалась во внимании мужа, хотела, чтобы он умел слышать её, эмоционально реагировал на то, чем она делится с ним, а не бестолково кивал, делая вид, будто сосредоточенно её слушает. Фрида продолжала: «Знаете, доктор, когда Крис ещё только ухаживал за мной, мы много гуляли и разговаривали обо всём на свете, нам было так интересно вместе. Я наивно верила, что такая заинтересованность сохранится и в браке. Не вышло! Не осталось ни капли страсти, нежности, романтики. Теперь у каждого своя жизнь. Нам больше не о чем говорить. У нас давно разные интересы. Разные вкусы. Раздельные спальни. Да, именно, раздельные спальни. Когда это началось? Разумеется, я помню. Только закончился третий год нашей совместной жизни. Был июнь, вечер пятницы. Крис вернулся с работы к полуночи. Если совсем точно, в 23:50, – я знаю, потому что как раз посмотрела на часы. Он заявил, что был на каком-то благотворительном банкете. Меня удивило, что он абсолютно трезв, но я не стала ни о чём расспрашивать. Он погрузился в задумчивость и долго сидел неподвижно, потупив глаза – я даже предположила, что он задремал. «Дорогой, пойдем в постель. Уже поздно», – позвала я. Он что-то заворчал и не пожелал вставать. «Давай, Крис. Пошли спать...» – повторила я. «Угу... ещё чуть-чуть, пару минут», – ответил он, опять проваливаясь в сон. Это было что-то новое, доктор, поскольку раньше мы никогда не ложились друг без друга. Поэтому я ждала, думая, что он вернётся ко мне. А ещё через полчаса, погасив свет в гостиной, решила, что иногда побыть наедине с собой не так уж и плохо. «Он просто устал, – успокаивала я себя. – Столько работы с большими числами! Готова поспорить, Билл Гейтс тоже нет-нет да и прикорнёт у себя в кабинете. И потом: спать одной в кровати – не самое худшее, что может с тобой случиться». Но прежде чем уйти в спальню и лечь в постель, я задержалась в дверях и бросила взгляд на спящего Криса. Тогда я надеялась, что это не начало конца.

А потом, доктор, развалившегося на диване Криса я созерцала почти каждый вечер и, молча гася свет в ночнике, спрашивала себя: «Когда все изменилось?»

Позже это стало нормой нашей жизни... Знаете, временами я удивляюсь, как мне вообще удавалось беременеть?

А Крису всё безразлично! Он, сукин сын, может весь вечер пускать слюни, разглядывая вырез на кофточке Джуди, но вот моё новое платье останется незамеченным, даже если я выряжусь попугаем и буду танцевать перед ним ламбаду. Крис никогда не помнит дня рождения моей матери. Да что там матери! Он постоянно забывает о дне нашей свадьбы! С ним я чувствую себя одинокой... Нет, мы особенно и не общаемся, потому что ему нечего мне рассказать. «Не разговаривай со мной, – однажды сказала я ему. – У тебя это очень хорошо получается».

Когда же я всё-таки спрашиваю его о новостях, он всегда даёт тупейшие ответы. Как вообще можно быть его женой, если после пяти долбанных минут, проведённых за ужином, когда дети накормлены и уже разошлись по комнатам, и вы одни, он сидит перед тобой и чавкает, уткнувшись носом в айфон? Потому что уверен, что женатым людям не надо разговаривать. Кто-то должен нарушить эту гнетущую тишину, понимаете? По-другому невозможно. В такие минуты мне хочется лезть на стену! Хочется кричать: «Откуда ты такой взялся на мою голову, Крис Тайлер! Чёрт бы тебя побрал! Что я тут с тобой делаю? Чего мне не хватало? Разве моя жизнь до тебя не была полной чашей?» Вот что мне хочется сказать, доктор». Она странно затрясла головой и выругалась.

– Известно ли вам, миссис Тайлер, что, согласно результатам опроса, в среднем в Штатах общение между супругами длится тридцать три минуты в день? – спросил Уилсон, чтобы как-то успокоить ее. – И эти короткие тридцать три минуты включают ругань, придирки, швыряние подушками и всё прочее. Представьте, всего лишь тридцать три минуты из двадцати четырех часов...

– Что? – она недоверчиво посмотрела на него.

Крис сообщил Уилсону, что если дать Фриде возможность, она будет беспрерывно говорить в течение нескольких часов со скоростью сто слов в минуту. «Это не женщина, – сетовал он, – а какой-то словесный поток, который не затихает ни на мгновение, погружая меня в совершенно ненужную и неинтересную информацию. Я считаю такие разговоры непозволительной тратой своего времени, когда мог бы сделать что-то полезное по работе. И ещё её отвратительные визгливые интонации – о боже! – они рвут мне уши! Не могу поверить, что этот голос когда-то очаровывал так, что я, теряя голову, был готов ради этой женщины на всё!»

Помимо словоохотливости, Крис имел к жене и другие претензии. Когда-то он ожидал, что она научится разделять его увлечения, например, будет ходить с ним в гольф-клуб или смотреть по телевизору баскетбол. «В жизни всё наоборот – она их ненавидит! И меня заодно, вместе с клюшками для гольфа! Брак – штука капризная. На одной страсти далеко не уедешь. Уже через несколько недель после медового месяца Фрида начала показывать когти: стала пилить за задержки на работе, за то, что у меня мало стремления к развитию наших отношений, к укреплению брака. Чёрт, в какой книжонке она читалась о таком? Она упрекала меня в резкости и цинизме, да и сейчас считает, что у меня вагон грёбанных недостатков и не просто дурных, а чудовищных привычек. Взять хотя бы мои несчастные носки. Фрида приходит в бешенство, когда находит их за диваном... Чем они ей помешали? Откуда в ней убеждение, что я – это хаос, а она – упорядоченность, я – порок, она – добродетель, я – скандал, а она – гармония? А кто тогда, если не она, заковал меня в тиски, лишил возможности дышать полной грудью и чувствовать себя свободным человеком в свободной стране?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.